

Андрей Новичихин

История
Черноморского
подерезья
для детей

ГРАНТЫ
ГУБЕРНАТОРА
КУБАНИ

Платонов

Андрей Новичихин

История
Черноморского
подчержья
для детей

**ГРАНТЫ
ГУБЕРНАТОРА
КУБАНИ**

Издание выпущено при поддержке
Гранта Губернатора Кубани

Платонов

• КРАСНОДАРСКОЕ •
РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Цель культурно-исторического проекта «История Черноморского побережья для детей» – восполнить пробелы в исторических знаниях подрастающего поколения о прошлом Черноморского региона. Проект включает в себя издание книги, цикл лекций, интерактивную электронную карту побережья, адаптированную для детей, и игру-бродилку. В реализации проекта участвуют художники, учёные, представители различных национальных объединений и энтузиасты, увлечённые историей Кавказа.

Руководитель проекта: Елена Асеева.

Автор идеи книги: Игорь Платонов.

Методический консультант проекта: к.и.н. Николай Сударев (ИА РАН).

e-mail: platonovas@mail.ru
тел. : +7 918 461 10 98

© Издатель: И. Платонов, 2025
© Текст: к.и.н. А. М. Новичихин, 2025
© Художники: А. Ерошина, А. Шлямина,
Т. Керман, 2025
© Вёрстка: Е. Захарова, 2025

Андрей Ковычкин

История
Черноморского
подеревья
для детей

Il cataba

Пещерные жители

(50 000 лет назад)

Мальчик, по прозвищу Медвежонок, проснулся, едва первые лучи Солнца проникли в пещеру. Попив воды из протекающего через их жилище ручья, он направился к выходу, где вскоре собрались все дети племени. Старейший обещал сегодня научить их отыскивать травы, заживляющие раны.

Медвежонок – это не имя, а прозвище, которое дают детям. Когда придёт время, мальчик пройдёт испытание и станет взрослым, охотником, полноценным членом своего племени. Тогда он и получит имя. Впрочем, совсем не обязательно, что его он будет носить всю жизнь. Если охотник совершит что-то, что отличит его от других, то он может получить новое имя, сообщаящее об этом.

Племя, к которому принадлежал Медвежонок, было большим – взрослых мужчин и женщин в нём было больше, чем пальцев на руках у пяти человек. В горах на большом удалении друг от друга проживало ещё несколько подобных племён, но племя Медвежонка считалось самым многочисленным и самым сильным. Это было племя охотников и собирателей. Мужчины охотились на пещерных медведей и других животных, обитавших в близлежащей горной местности. Пещерные медведи – огромные хищники, когда такой зверь поднимался на задние лапы, то становился вдвое выше самого высокого охотника. Одолеть такого зверя нелегко, но охотники племени смело набрасывались на гигантов, и они становились их добычей. Охота на медведей давала людям пропитание и одежду – жирное мясо и тёплые

шкур. Охотились и на других животных – оленей, лошадей, кабанов.

В то время, когда мужчины были на охоте, женщины и дети бродили по окрестностям и собирали съедобные плоды и зёрна. Всё добытое охотой и собирательством сносилось в пещеру, где на закате собиралось всё племя и каждый получал свою долю. Раньше мужчины выходили на охоту только тогда, когда была съедена предыдущая добыча, но однажды мудрый вождь решил, что надо делать запасы – вялить мясо, коптить его над дымом очага, сыпать излишки собранных зёрен в плетённые из веток корзины. С тех пор в племени всегда были запасы пищи. Старейший не раз говорил, что хорошо бы было, чтобы стебли растений, дающих зёрна,

росли рядом с пещерой и их не приходилось разыскивать, но как это сделать, люди не знали. И продолжали собирать зёрна по всей округе.

Возглавлял племя вождь – отважный охотник и мудрый правитель. Своё имя – Победитель медведей – вождь получил, поскольку не раз вступал в схватку с этими опасными хищниками и всегда выходил из неё победителем. Шею вождя украшало ожерелье из множества клыков сражённых им пещерных медведей. Во время охоты он всегда знал, где следует подстеречь зверя, и охотники редко возвращались без добычи, которую между членами племени также распределял вождь. Его решения всегда были правильными. Благодаря мудрости вождя у племени Медвежонка есть Старейший.

Вообще в подобных племенах стариков, уже не способных ходить на охоту и не приносящих никакой пользы, принято сбрасывать со скал или оставлять в лесу на растерзание хищникам. Но Победитель медведей решил, что старику, который когда-то научил его охотиться и вложил в его руки копье с каменным наконечником, не должна быть уготована такая участь. Он оставил его жить в племени, чтобы обучать детей тем премудростям охоты и собирательства, которыми сам владеет. Имя старого охотника было забыто, и он получил новое – Старейший.

Кроме обучения детей, Старейший вёл счёт Времени. Что такое Время, не понимал никто, похоже, этого не знал и сам Старейший. Время невозможно ни увидеть, ни потрогать. Но оно есть. Старейший когда-то заметил, что каждый раз, когда после долгих суровых холо-

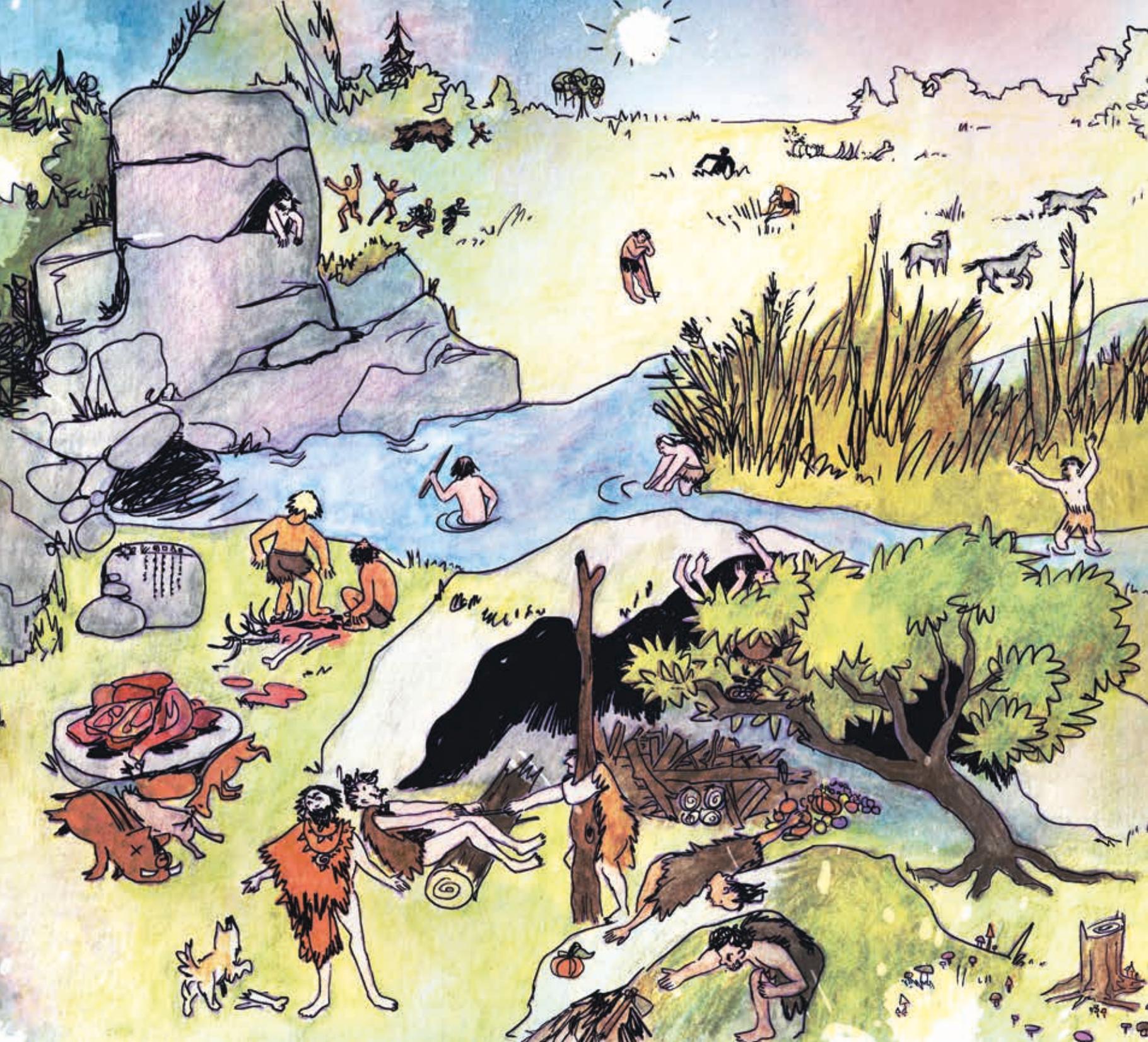
дов (эти дни в племени называли зима) наступает тепло, один из дней равен ночи. Он срезал по тонкому шесту, повесил на них знаки, обозначающие каждого из членов племени (на шесте Медвежонок был клочок медвежьей шерсти), и с наступлением весны (так в племени решили назвать появление долгожданного тепла), в день равный ночи делал на этих шестах зарубки. На шесте мальчика таких зарубок было на две меньше, чем пальцев

на руках одного человека. Когда их станет на две больше, чем пальцев на руках, Медвежонок пройдёт испытание, после которого перестанет быть ребёнком и станет взрослым охотником – полноценным членом своего племени. Вождь вложит в его руки копье, и мальчик получит имя.

Сколько вёсен прожил Старейший, никто не знал, даже он сам – ведь когда он был ребёнком, Время не умели считать. И ещё Старейший рассказывал детям удивительные истории. Медвежонок заговаривала одна о том, что когда-то давно (чтобы посчитать сколько вёсен назад это было, не хватит пальцев на руках у взрослых и детей всех обитающих вокруг племён) их предки жили далеко отсюда, в той стороне, куда в конце дня уходит Солнце. Там не было гор, лесов и пещер, а было много воды, заросшей камышом. А среди воды были холмы, которые извергали потоки грязи. И ещё там жили удивительные животные, которые любили лежать в этой грязи. Они были громадными, больше самого большого пещерного медведя. Тела животных были покрыты густой шерстью, у одних был длинный нос, из-под которого торчали огромные клыки, а у других на носу рос большой острый рог. И на этих косматых гигантов охотились наши предки. Мальчик не очень верил рассказам старика, считая их выдумками, но не раз представлял себя охотящимся на диких зверей.

Не так давно у охотников племени появились помощники. Эти небольшие звери, похожие на волков, но более миролюбивые, поодиночке и небольшими стаями стали подходить к пещере, чтобы обглаживать выброшенные после трапезы кости. Поскольку племя не испытывало недостатка в пище, некоторые охотники начали подкармливать этих животных, названных ими собаками. Вскоре собаки стали сопровождать мужчин на охоте, выяснилось, что они обладают отличным чутьём и способны выслеживать в лесной чаще зверей. Один щенок всегда вился возле мальчика, когда Медвежонок вместе с другими детьми выходил собирать плоды и зёрна. Мальчик дал ему прозвище, которое сам придумал, – Друг.

Помимо охоты, мужчины занимались изготовлением разнообразных каменных орудий. Их делали из кремня – камня очень твёрдого, но в то же время хрупкого, который можно расколоть.

Когда-то давно, найдя в русле горного ручья окатанную водой кремневую гальку, люди оббивали её, скалывая куски камня и заостряя одну из сторон. Орудие становилось похожим на лист дерева – острым с одной стороны и скруглённым с другой. Его удобно было держать в руках, нанося остриём сильные удары, способные раздробить кость или перерубить толстый древесный сук. Называли такое орудие рубило. Если привязать рубило поперёк к палке, ближе к её концу, то получался топор, а если небольшое рубило закрепить так, чтобы орудие удлиняло палку, – оно становилось остриём копья. Кремень – камень очень твёрдый, и края его сколов очень остры, но он ещё и очень хрупкий. Если рубило раскалывалось, нужно было снова искать подходящий камень и делать новое.

Со временем крупные гальки, способные после обработки стать рубилом, встречались всё реже, и люди изменили способ изготовления каменных орудий. Теперь,

Сбив корку с одной из сторон гальки, стали наносить точные и сильные удары по образовавшейся площадке, раскалывая камень на несколько удлинённых пластин. Пластины имели острые края, при необходимости их можно было дополнительно приострить мелкой ретушью. В итоге получались небольшие по размеру кремневые орудия, получающие в зависимости от формы и потребности своё назначение: одни становились наконечниками копий, другие – ножами для разделки мяса, третьи – скребками для соскабливания со шкур животных жира. Такими орудиями можно было запастись впрок, а не только изготавливать по мере надобности. В обиходе людей тогда было очень мало слов, и поэтому для каждого нового орудия нужно придумывать название. А это было очень сложно. Любой, даже мелкий осколок кремня с острым краем не выбрасывался, ведь его можно было использовать, чтобы заострить палку или перерезать плотный стебель.

Племя Медвежонка жило в пещере. Когда-то давно охотникам пришлось вступить в схватку с несколькими пещерными медведями одновременно, чтобы захватить её. Пещера была большая, но не очень тёплая. Через неё протекал ручей, дающий племени воду. Неподалёку от ручья размещался очаг, в котором находился

Огонь. Это была самая главная ценность племени. Огонь давал тепло и возможность поджаривать мясо, от чего оно становилось более вкусным и питательным. Можно сказать, что Огонь давал людям Жизнь. Те племена, у которых не было Огня, обречены на вымирание – они не имели возможности согреться и вынуждены были есть сырое мясо. Если Огонь погасал – это было страшной трагедией – ведь его неоткуда взять. Поэтому в пещере всё время находился один из членов племени, обычно кто-то из детей, постоянно подкармливающий Огонь сухими древесными сучьями. Во время вечерней трапезы Огню отдавали самые жирные куски мяса и самые сладкие плоды. Медвежонок думал, что, наверное, Огонь – это часть Солнца, которое каждый день светит на небе и согревает людей, он ведь сошёл с неба и от него становится тепло.

Когда-то давно, как рассказывал Старейший, их племя, тогда ещё малочисленное, не имело огня и страшно бедствовало. Но однажды, во время грозы, Огонь сошёл с неба – молния ударила в сухое дерево и подожгла его. Увидевший это вождь немедленно послал к пылающему дереву самого быстрого охотника, чтобы тот принёс в пещеру горящую ветку, пока дождь не загасил пламя. Охотнику удалось быстро отломить и принести горящий сук, и у племени появился Огонь. А добывший его охотник получил после этого новое имя – Принёсший Огонь.

Мужчины племени накануне вернулись с обильной добычей. В этот тёплый солнечный день они расселись у входа в пещеру, занявшись починкой оружия и изготовлением из кремня необходимых орудий. Женщины при помощи костяных и кремневых скребков выделывали шкуры. Неподалёку от людей грелись на солнце собаки.

Вслед за Старейшим дети перебрались через горную речку и приблизились к опушке густого леса. Рядом с Медвежонком бежал Друг, следом шли другие дети племени. Среди них девочка, которую в племени называли Ручеек. Такое прозвище она получила потому, что постоянно что-то мурлыкала, смешивая слова с другими звуками, а это похоже на журчание горного ручья. Ручеек называла это песней. Песня нравилась многим членам племени, и детям, и взрослым. Многие пытались её повторить, но ни у кого песня не получалась такой красивой, как у девочки

по прозвищу Ручеек. Взрослые говорили, что, даже когда девочка пройдёт испытание, Ручеек останется её именем.

Старейший сделал детям знак остановиться. Поляна впереди была покрыта множеством трав и цветов, и он собирался показать, какие из них могут заживлять раны, нанесённые хищниками, а какие избавлять от жара тех, кто по неосторожности зимой упал в холодную воду и занемог. Находить лечебные травы – очень ответственное дело, совсем не детское. Медвежонок, как один из старших мальчиков, должен был не только слушать и смотреть, что говорил и показывал Старейший, но и внимательно наблюдать за тем, чтобы к детям не подкрался какой-либо хищник. Ведь он, будущий охотник, уже хорошо знал повадки зверей.

Внезапно Друг, до этого мирно лежавший у ног мальчика, вскочил и яростно залаял, подпрыгивая и глядя в сторону леса. Медвежонок взглянул туда и увидел, как в высоких стеблях травы к детям крадётся огромный пещерный медведь. Мальчик издал крик, предупреждающий об опасности, и по знаку Старейшего дети перестали собирать травы и бросились в сторону пещеры. За ними последовал Старейший. Медвежонок замыкал отступление, сжимая в руках поднятый по дороге крепкий сук. Медведь утробно зарычал и погнался за детьми. Друг продолжал отчаянно лаять.

Собаки, до этого мирно спавшие близ пещеры, услышав своего младшего собрата, также подняли лай и устремились в ту сторону, куда ушли дети племени. Мужчины бросили свои дела, взяли в руки оружие и стремительно двинулись вслед за животными. Впереди шёл вождь, сжимавший в руках копьё с каменным наконечником.

Пещерный медведь перешёл на бег и уже почти настигал убежавших детей. Медвежонок сжал в руках сук и приготовился к неравной схватке со зверем. Неожиданно перед хищником встал появившийся из чащи Победитель медведей и с ним ещё несколько вооружённых охотников. Схватка была короткой, страшный зверь был сражён.

Вечером всё племя собралось у очага. Медвежонок посадили на почётное место рядом с вождём. Победитель медведей взял самый жирный кусок мяса, отрезал от него большой ломоть и бросил в Огонь. Оставшуюся часть мяса он поджарил и поделился им с Медвежонок. Кусочек мяса мальчик спрятал под шкурой, чтобы потом угостить лакомством Друга. А потом вождь вручил мальчику клык сражённого медведя как знак доблести юного спасителя детей племени, будущего отважного охотника.

Утром следующего для Медвежонок при помощи острого кремневого осколка ловко про-
сверлил подарок вождя. Ручеек сплела из тонких жил прочный шнурок, продела его в отвер-
стие, и медвежий клык украсил шею мальчика, став его заветным амулетом на всю жизнь.

2 глава

Строители дольменов (5000 лет назад)

– **М**дём скорее, Солнце уже высоко, – Нап торопил свою подружку Инди.

Дети шли по извилистой горной тропинке, освещённой пробивающимися сквозь густую листву солнечными лучами. Под ногами вертелся верный Рык – щенок, прибившийся к ребятам на выходе из селения.

Селение, в котором жил Нап, располагалось на горном склоне, неподалёку от берега моря. Название народа, основавшего селение, неизвестно. Археологи называют живших в той местности пять тысяч лет назад людей строителями дольменов. Управляли этим народом жрецы – люди, обладавшие способностью общаться с миром богов и духов: народы той далёкой эпохи считали, что миром правят всемогущие боги, а леса и горы вокруг них, населяют духи этих местностей. Кроме того, жрецы наблюдали за движением звёзд, следили за изменениями в погоде и определяли, когда следует засеять поля, когда собирать мёд лесных пчёл, когда вблизи их побережья будут проходить косяки жирной кефали. Для захоронения жрецов в древности на Черноморском побережье Кавказа возводили каменные гробницы – дольмены.

Нап был сыном мастера-камнереза. Его отец, уважаемый во всём селении Заз, славился не только мастерством обработки камня, но и умением сооружать из каменных глыб гробницы для жрецов – дольмены. В этот день должно было состояться важное событие – прорезание в каменной плите дольмена отверстия, через которое душа похороненного смогла бы общаться

с соплеменниками. Жрец покинул мир живых прошлым летом. В течение года его тело находилось на деревянном помосте: душа умершего прощалась с этим светом и готовилась к переходу в мир богов. За это время соплеменники подготовили для вождя посмертное жилище. От скальных глыб под руководством отца Напа были отколоты массивные плиты, которым мастер со своими помощниками придал четырёхугольную

форму, используя каменные тѣсла и каменные тѣрочники: люди уже давно использовали бронзовые инструменты, но согласно древнему обычаю дольмен мог быть изготовлен только каменными орудиями. Затем плиты при помощи верёвок и бревенчатых катков перетаскивали на поляну, где четыре плиты установили так, чтобы они образовывали подобие стен прямоугольного дома. В дольмен поместили останки жреца, после чего, соорудив насыпь из мелкой гальки, втащили на него пятую плиту, образовавшую каменную крышу. Сегодня же наступил день завершающего обряда.

Дольмены на побережье моря люди строили издавна. Мудрейший Хухут, старейший жрец селения, рассказывал, что много поколений назад к берегу после сильного шторма прибило большую лодку. Находившиеся в ней люди были сильно утомлены – они едва держались на ногах. Местные жители оказали им помощь, чужеземцы стали сначала их гостями, а затем и полноправными

членами общины. Сначала с ними объяснялись жестами, затем, постепенно освоив язык, мореплаватели рассказали, что их родина находится далеко на западе, там, где по вечерам Солнце уходит за бескрайний простор огромного моря – океана. Поведали они и о том, что на их родине из огромных каменных глыб сооружали гробницы для захоронения жрецов – хранителей мудрости. Среди мореходов оказался каменотёс, построивший первый на Кавказе дольмен и обучивший этому нескольких местных мастеров. Их потомки сохранили и свято соблюдали этот обычай.

Но Напу и Инди больше нравился другой рассказ о происхождении дольменов, который они слышали от родителей в раннем детстве. Согласно этой легенде, в далёкие времена горы и морское побережье населяли маленькие люди – испы. Они были столь малы, что вместо лошадей ездили верхом на зайцах. У карликов не хватало сил, чтобы построить себе жилища, и они страшно бедствовали. Тогда жившие неподалёку великаны – иныжи сжалились над своими низкорослыми соседями, наломали скальных глыб и соорудили для карликов дома, в которых те стали безбедно жить. И только потом, наслушавшись чужеземцев, племена Кавказа стали считать исполинские каменные строения гробницами и строить их для захоронения жрецов. В память об испях строители дольменов никогда не охотились на зайцев, а если эти животные по неосторожности попадали в силки, охотники отпускали их.

Преодолев небольшой подъём, дети вышли на лесную опушку и притаились в тени густых деревьев. Верный Рык улёгся у их ног. На широкой солнечной поляне уже собрались жрецы

и жители селения. Детей на этот священный обряд не допускали, поэтому Нап и Инди прятались в зарослях, боясь выдать себя. Почтенный Хухут пристально смотрел на диковинное сооружение, стоявшее в центре поляны, – солнечные часы. На плоской каменной плите по дуге были выбиты лунки, напротив которых на деревянной треноге возвышался шест. По мере движения Солнца по небосводу тень от шеста перемещалась по поверхности плиты от лунки к лунке, отсчитывая время. Сейчас тень приближалась к третьей лунке в дуге, обозначавшей третий час от восхода светила: именно в этот час следовало начать священный ритуал прорезания отверстия. На поляне стояло несколько древних, потемневших и поросших за долгие годы мхом и лишайником дольменов. Среди них выделялась новая, сияющая чистым светлым камнем гробница. Едва тень коснулась третьей лунки, верховный жрец поднял руку и громко воскликнул. Мастер Заз приступил к работе. Он приставил к центру передней плиты дольмена острый колышек, к которому была привязана верёвка длиной в половину локтя. К концу верёвки крепился острый осколок кремня. Вращательным движением Заз очертил

вокруг колышка правильный круг, а затем стал быстрее и быстрее вращать верёвку, про-резая по кругу борозду. Когда её глубина составила толщину пальца, мастер несколькими ударами тѣсла, направленными от центра к краям очерченного круга, сколол пласт камня, а затем вновь и вновь повторил привычные движения, углубляя отверстие. Пока он работал, жрецы во главе с Хухутом исполняли торжественные гимны, прославляющие богов, духов гор, лесов и рек. Они часто повторяли припев, слова которого ни прятавшимся на опушке детям, ни другим жителям селения не были понятны. Хухут говорил, что так говорили чужеземцы, некогда научившие племена Кавказа строить дольмены.

Менее чем за час работа Заза была закончена. В передней плите дольмена темнело круглое отверстие. По знаку Хухута младшие жрецы поставили перед дольменом приношение – глиняный ковш с чистой родниковой водой, ячменную лепёшку и деревянное блюдо с кусками жареного мяса. Люди стали расходиться с поляны. Завтра поутру жрецы вновь придут сюда и, убедившись, что приношения приняты, чаша пуста, хлеб и мясо съедены (это могли сделать животные), закроют отверстие каменной пробкой, заранее сделанной мастером Зазом.

По потаённым лесным тропинкам дети вернулись к селению, опередив взрослых. Наступило время прощания, Напу нужно было спуститься к морю в селение, Инди же предстояло, преодолев косогор, отправиться в посёлок бронзолитейщиков. Шею мальчика украшал пожелтевший от времени клык – в его семье на протяжении многих поколений этот оберег передавали старшему сыну. Он был похож на медвежий, но столь огромного медведя трудно было представить. У Инди тоже был свой талисман – небольшой кусочек бледно-розового коралла. Год назад её отец, бронзолитейщик Гум, выменял его для своей дочери у степняков на узорчатый бронзовый браслет.

Селение, где жил Нап, считалось большим. На спускающихся к морю пологих горных склонах были разбросаны десятки небольших домов. Их стены были сплетены из толстых прутьев и обмазаны глиной, крышей служили плотно уложенные пучки камыша. Поблизости располагались ухоженные поля.

Бронзолитейщики жили в посёлке, отдалённом от селения Напа. В селении их побаивались – над посёлком всегда поднимался чёрный дым, раздавались удары каменных молотов, шипение расплавленного металла. Поговаривали, что бронзолитейщики поклонялись не верховному богу Тха, а своему божеству – Тлепшу, покровителю металлургов и целите-

лей. Тлепш научил людей делать из меди оружие, он же помогал при исцелении нанесённых этим оружием ран.

Сегодня в посёлке бронзолитейщиков было особенно шумно – его обитатели работали не покладая рук. Ведь со дня на день ки. Этот народ жил на обширных к северу и к западу от Кавказа. жилищ и всю жизнь проводили, по степям в повозках и перегоняя сто стада коров и овец. В нача-прибывали в селение строите-чтобы обменять продукты своего ства на то, что давал Кавказ. В эти наполнялись грохотом массивных рёвом влекущих повозки быков, бляением овец, криками погон-

Кочевники пригоняли на об-привозили толстые круги сыра в горы соль. Рассказывали, что ководное озеро, на берегах цы сама собой образуется готовить впрок ни мясо, ни степняки получали необ-древесину, мёд горных над очагом дикие фрук-в изобилии в селении: ные на горных склонах саливали морскую не отличался тучностью коровы не хуже коз ла-вая на них клочки жухлой молока.

в селение должны прибыть степня-равнинах, расположен-

Эти люди не строили перемещаясь с места на месте осени они лей дольменов, кочевого хозяй-дни окрестности деревянных колёс, мычанием коров,

щиков.

мен тучных коров и овец, и, самое главное, доставляли на окраине их земель есть мелко-которого в жаркие летние меся-соль, без которой невозможно за-рыбу. В обмен на мясо, сыры и соль ходимую для изготовления повозок пчёл, просо и ячмень, закопчённые ты и сушёную рыбу. Всего этого было его жители возделывали расположен-поля, выращивая злаки, ловили и за-рыбу. Вот только домашний скот в горах и хорошими надоями: тощие местные зали по крутым горным склонам, отыски-травы, и, как и козы, давали очень мало

Спросом у степняков пользовались кремневые наконечники стрел и шлифованные каменные топоры, в опытных руках становившиеся грозным оружием, – и те, и другие умело делали Заз и другие мастера-камнерезы. Но главное, за чем приходили степняки, – металл. Медные рудники были только на Кавказе. Из добытой в них руды плавил медь, добавляя в неё другие металлы и получая бронзу. Из бронзы мастера-бронзолитейщики отливали ножи, топоры, серпы и другие предметы. Из металла делали украшения – браслеты и подвески-амулеты в виде фигурок животных. Часть этих предметов предназначалась для обмена со степняками – по закону гор чужеземцам нельзя было отдавать металл в слитках, только в виде готовых изделий.

Дети помогали своим отцам подготовиться к приходу степняков. Нап выстругивал для каменных топоров прочные рукояти и прилаживал к кремневым наконечникам стрел тонкие прямые древки. Инди надевала отлитые её отцом бронзовые амулеты на окрашенные красной охрой шнурки. Она объясняла степнякам, для чего каждый из них предназначен, какой исцеляет от болезней, какой предостерегает от встречи с хищниками, а какой способен вызвать или прекратить сильный дождь.

Далеко на западе Солнце скрывалось за горизонт, опускаясь в море.

3 глава

По волнам Понта Эвксинского (2400 лет назад)

– Представляешь, Кассандра, это было настоящее морское приключение, прямо как у Одиссея, – мальчик Ксанф увлечённо рассказывал девочке о своём первом морском плавании.

Дети укрылись в тени раскидистого платана, росшего у городского нимфея – источника воды, бьющего из-под каменной стены, расположенной в центре Горгиппии – древнегреческого города, находившегося на месте современной Анапы.

Кассандра придерживала небольшую гидрию, изящный кувшин с тремя ручками, – мама послала её к городскому источнику принести свежей воды. У мальчика в руках была натёртая воском дощечка – пинака и бронзовый стиль – инструмент, при помощи которого ученики в школе-гимнасии писали на таких восковых дощечках. Невдалеке плескалось море.

Древние греки были опытными мореходами, вели морскую торговлю с народами, населявшими берега Средиземного и Чёрного морей. Чёрное море греческие мореплаватели и купцы называли Понтом Эвксинским – Морем Гостеприимным, или просто Понтом. Со временем древние греки стали основывать в отдалённых от их родины землях свои города – колонии. Более двух с половиной тысяч лет назад, в VI веке до нашей эры, греческие города-колонии появились на Керченском и Таманском полуостровах. В 480 году до нашей эры они объединились и образовали новое греческое государство – Боспорское царство, Боспор, столицей которого стал город Пантикапей, находившийся на месте современной

Керчи. Крупными городами Боспора стали Гермонасса и Фанагория, располагавшиеся на Таманском полуострове, а также Горгиппия.

Прадед Ксанфа, отважный воин Дросанис, поступил на службу к Левкону, царю Боспора, а потом, командуя отрядом воинов-гоплитов, участвовал в покорении Синдики – области, населённой синдами, одним из местных кавказских племён. Когда царевич Горгипп основал на побережье Синдики город, названный в его честь Горгиппией, Дросанис стал одним из первых его граждан, получив поблизости от города надел земли – клер. Построив в Горгиппии дом и обустроив сельскую усадьбу, Дросанис женился на дочери знатного синда. Жена принесла в семью древний талисман – огромный медвежий клык, оправленный в серебро. В соответствии с греческими традициями, старший сын получал имя деда по отцовской линии, а второй сын – имя деда по линии матери. Пришедший из синдской семьи талисман стал оберегом второго из сыновей Дросаниса и, оставшись в его семье, стал вручаться второму по старшинству сыну. Теперь медвежий клык украшал шею Ксанфа.

Когда началась война с Гераклеей, владевшей крупнейшим на Понте флотом Дросанис вновь оказался на военной служ-

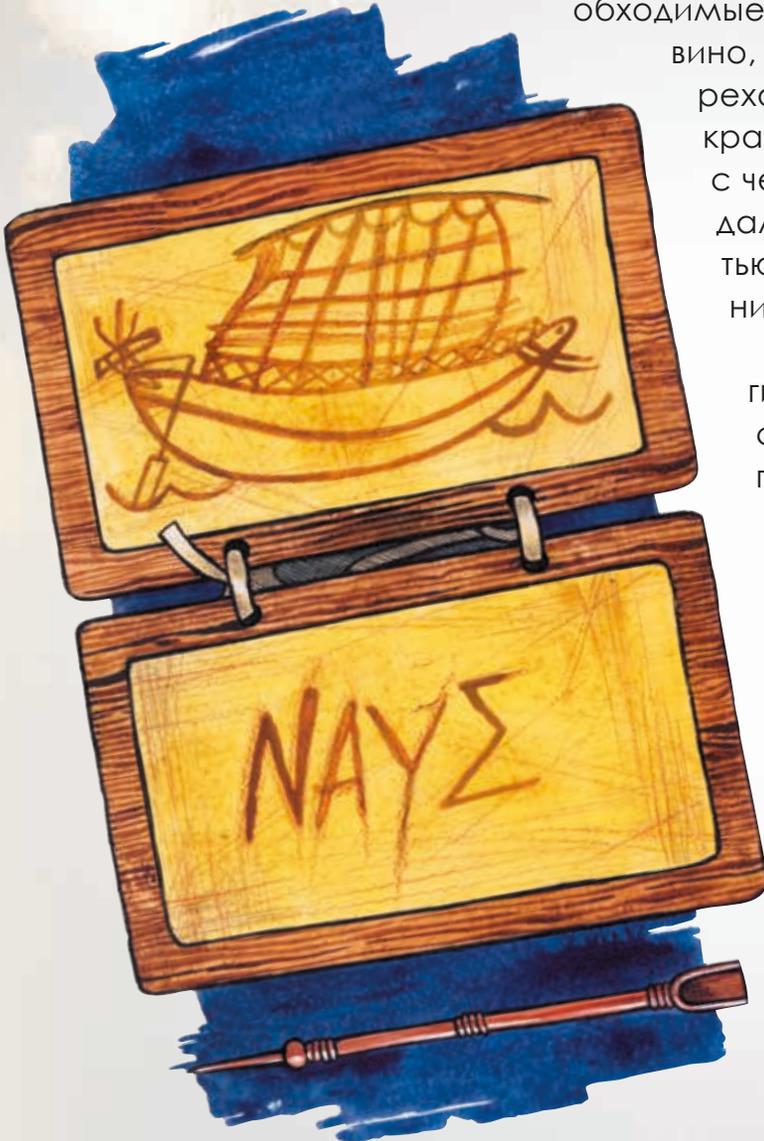

бе, став навархом – командиром боевого корабля, защищавшего побережье Боспора и Синдики от вторжения врагов. После окончания войны Дросанис не оставил морское дело, став навклером – владельцем транспортного судна, возившего зерно из Синдики

в другие области греческого мира и доставлявшего оттуда необходимые для жизни на Боспоре товары: оливковое масло, вино, покрытую блестящим чёрным лаком посуду. Мореходами стали его дети и внуки, в том числе Эпикрат, отец Ксанфа. Он владел большим кораблём с четырьмя десятками вёсел, на котором совершал дальние морские плавания, и малым, с двенадцатью вёслами, осуществлявшим морское сообщение между городами Боспорского царства.

Кассандра была из семьи, поселившейся в Горгии не так давно. Её отец, Аристокл, переселился сюда полтора десятилетия назад из Каллатиса, греческого города на западном берегу Чёрного моря, по приглашению боспорского царя. Аристокл был опытным строителем – архитектором. Благодаря ему вокруг Горгии были возведены новые крепостные стены, а в городе строились храмы, посвящённые греческим богам, в том числе храм Посейдона – бога морской стихии, которому поклонялись все поколения семьи Ксанфа.

Мальчик тоже собирался, повзрослев, стать мореходом. Он знал имена всех аргонатов, помнил, сколько кораблей какой царь привёл осадить Трою. Учителя городского гимназия – школы для мальчиков – не раз отчитывали Ксанфа за то, что, вместо того чтобы решать математические задачи, он рисовал острым стилем

на восковой дощечке корабли с парусами и вёслами. Даже подаренного ему щенка Ксанф назвал Аргус – так звали пса знаменитого древнегреческого мореплавателя Одиссея.

Сейчас Аргус мирно лежал в тени, а Ксанф продолжал свой рассказ.

– Мы выплыли из Горгиипии рано утром. За день до этого из Гермонассы были доставлены четыре десятка амфор с оливковым маслом с Крита, которые нужно было отвезти в приморское селение Баты и обменять там на пятьдесят мешков вяленой кефали и два десятка стволов самшита, из которых в Горгиипии делали гребни для волос. В это плавание отец решил взять меня – это мое первое морское путешествие. С собой я взял Аргуса, – мальчик потрепал пса по загривку.

– В путь мы отправились на малом судне. Кормовым веслом управлял сам отец, гребцами на вёслах были бывалые моряки, не раз ходившие с отцом в плавание. Эпикрат никогда не брал гребцами рабов и невольников – в плавание с ним ходили свободные моряки, получавшие за это плату.

Корабль обогнул каменистый мыс, закрывавший вход в горгиипийскую гавань с юга, и двинулся вдоль побережья, направляясь в Баты. Гребцы налегали на вёсла, напевая весёлую песню, и вскоре судно достигло мыса, над которым возвышалась длинная и высокая скала – моряки считали, что именно к ней по повелению всемогущего Зевса был прикован титан Прометей, давший людям огонь.

Гребцы размеренно взмахивали вёслами, судно бежало по волнам, отец слегка поправлял его движение поворотами кормового руля, лучи Солнца поблёскивали на морской глади. Вдруг Аргус встрепенулся и яростно залаял, обратившись в сторону берега. Гребцы остановили работу, и все стали всматриваться вдаль. От берега к кораблю двигалась большая лодка, управлявшаяся десятком гребцов.

– Пираты, – воскликнул отец, – к оружию!

Гребцы вынули из-под скамей короткие мечи с клинками в форме языков пламени – ксифосы, а отец надел блестящий шлем и взял в руки тяжёлый изогнутый меч – махайру. Я тоже вынул из ножен свой акинак – короткий скифский кинжал, когда-то подаренный моим синдским дедом, – и сжал свой амулет, он должен мне помочь. Все были готовы к бою.

Когда-то племена зихов, ахеев и гениохов всюду разбойничали на Понте Эвксинском, но два десятилетия назад Эвмел, царь Боспора, усмирил пиратов, и море стало безопасным для плавания. Наш корабль проходил мимо побережья, населённого керкетами. Когда-то давно это племя тоже участвовало в морском разбое и не признавало власть царей Боспора, но уже давно керкеты стали мирным племенем. Неужели они снова взялись за старое?

Лодка стремительно приближалась к нашему кораблю. Вдруг седой керкет, стоявший на её носу, прокричал имя моего отца. Отец присмотрелся и узнал в говорившем своего знакомого, предводителя одной из живущих на побережье керкетских общин, не раз продавшего ему мёд диких пчёл и ценную древесину в обмен на вино и рас-

писную посуду. Коверкая греческие слова, старый керкет объяснил, что его сын, находясь на охоте, был ранен диким кабаном-вепрем – свирепое животное распороло клыками бедро юноши. Рану перевязали, но она воспалилась, у юноши начался жар. Местный лекарь не справился с лечением, и отец просил доставить раненого в Баты, к греческому врачу.

Старый керкет предлагал отцу щедрую плату, но Эпикрат, всегда считавший, что прибыль нужно получать от торговых сделок, отказался от предложенных денег, заявив, что помощь керкетам, прославившимся как опытные мореплаватели, является почётным долгом каждого морехода, почитающего бога морской стихии Посейдона. Раненого юношу перенесли на наш корабль, вместе с ним на борт взошёл пожилой вождь. Лодка с керкетами отправилась к берегу, а мы продолжили путь.

По счастью, вскоре задул попутный ветер, гребцы получили отдых. На мачте был поднят парус, судно ускорило свой ход, отец лишь изредка правил его курс движениями кормового весла. Через полтора часа мы увидели высокую гору с пятью вершинами, у подножия которой разместилось большое приморское селение Баты.

Наше судно причалило к берегу. Матросы помогли отнести раненого керкета к дому греческого врача, дверь которого украшало сделанное из меди изображения Асклепия – бога целителей. Отец юноши остался со своим сыном.

Затем матросы разгрузили корабль, и отец передал амфоры с маслом своему торговому партнёру-ксену, доставившему к причалу предназначенные для продажи рыбу и древесину. Эпикрат немного поторговался с ксеном, выручив на этой сделке несколько оболов. Матросы, наскоро перекусив в портовой таверне, были готовы отправиться в обратный путь.

Обратное плавание произошло без происшествий, и в сумерках наше судно вернулось в Горгиппию.

– Как здорово, – восхищённо сказала Кассандра, – настоящее морское приключение. Хорошо, что всё закончилось благополучно.

– А я привёз из Бат тебе подарок, – вдруг сказал Ксанф. Из складок одежды он вынул фигурку кошки, сделанную из ярко-синего фаянса, и протянул её девочке. – Там у пристани стоял корабль из Навкратиса, греческого города в Египте. Прибывший на нём купец продавал привезённые оттуда фаянсовые амулеты, и я выбрал для тебя этот, ведь ты любишь кошек.

– Ой, спасибо, – сказала Кассандра, взяв амулет и рассматривая его, – эта египетская кошка очень похожа на мою.

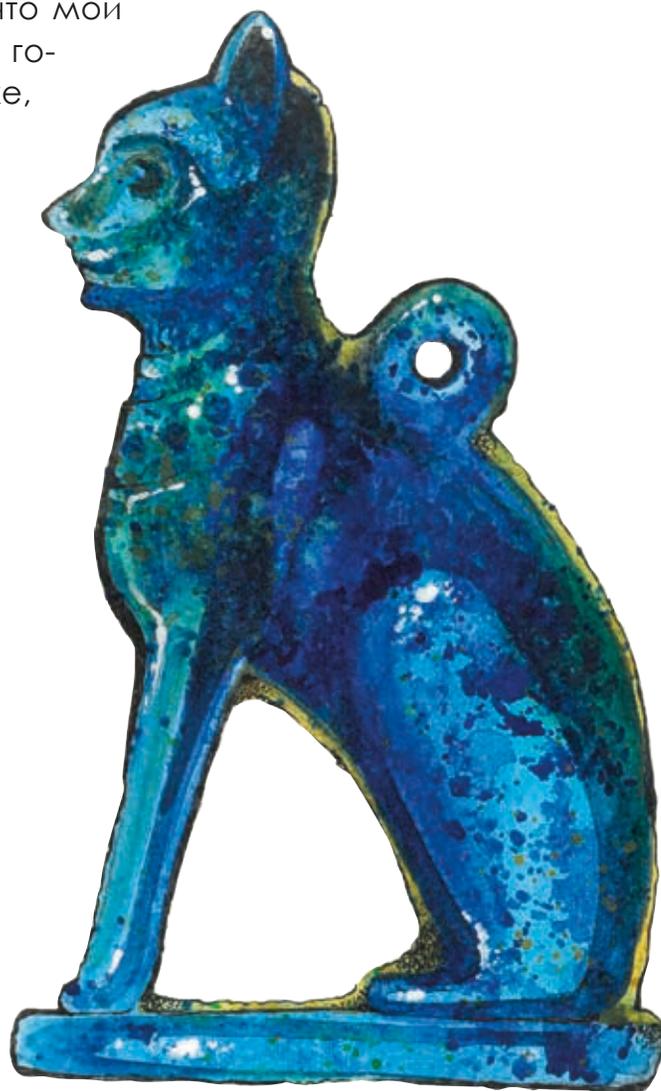
– Ну ладно, мне пора в гимнасий, – сказал мальчик, – сегодня мы будем читать «Историю» Геродота, рассказ о морском сражении у острова Саламин. А потом новый учитель гимнастики покажет нам, как правильно метать каменный диск. Ты же знаешь, что мой старший брат одержал победу в длинном беге на городском празднике в честь бога Гермеса. Я тоже, когда стану постарше, буду участвовать в этих соревнованиях. Пока – Хайре!

– Хайре, – ответила Кассандра.

И Ксанф, сжимая в руках восковую дощечку и стиль, двинулся в сторону гимнасия, напевая старую морскую песню:

– Плывет триера прямо в Гермонассу...

Верный Аргус, виляя хвостом, бежал за хозяином.

4 лава

Страна аспургиан (2000 лет назад)

– **М** ты думаешь, Филиск сумеет отыскать заячью нору? – спросила Гликария.

– Конечно сумеет, – ответил Фарнакион. – Ведь полное имя моего пса – Филокиниг – любящий охоту, а Филиск – дружок – это для краткости.

Девочка и мальчик быстро шагали к сторожевой башне, стоявшей в часе пути от города вблизи переправы через реку. Рядом, приняв себя к тропе, бежал щенок. Солнце вставало из-за невысоких гор и освещало покрытую полями и виноградниками долину.

– Ты же знаешь, – продолжил Фарнакион, – что поймать зайца к удаче. Это известно и греками, и скифам, и сарматам. Ещё Геродот писал, что скифы, вместо того чтобы воевать с персами, бросились ловить бегущего по полю битвы зайца. И Ксенофонт рассказывал, что когда на виду персидского войска орёл схватил зайца, то царевич Кир расценил это как предсказание будущей победы. И на кинжале горгиппийского начальника аспургиан девять раз изображён когтящий зайца орёл. А наши местные зайцы повадились грызть капусту на огороде у сторожевой башни. Филиск отыщет их нору, и я возьму себе зайчонка.

Вскоре показались каменная башня со стражниками на верхней площадке и поле, засаженное овощами. Дети и собака спрятались в густых кустах на его краю и стали ждать появления ушастых воришек. Вскоре две серых тени направились к грядкам. Фарнакион крикнул псу:

– Лови!

Филиск с лаем сорвался с места.

Зайцы бросились прочь. Щенок помчался за животными, а за ним, стараясь не отставать, побежали дети. Пёс вскоре исчез из виду, и только его лай указывал направление погони. Вскоре дети догнали щенка. Филокиниг с лаем яростно грёб землю, стараясь расширить вход в нору, в которой скрылись зайцы.

– Нора очень узкая, псу туда не пролезть, – с сожалением сказал Фарнакион. – И зайчонка оттуда нам не достать.

– Смотри, что это? – воскликнула Гликாரия и показала на зелёные плоские кружки, вылетавшие из-под когтей продолжавшего грести щенка.

– Это монеты, – сказал мальчик, присмотревшись, – Филиск, прекрати. Эгих зайцев нам уже не добыть.

Дети, склонившись, стали собирать позеленевшие от времени монеты.

Их оказалось более сотни: большие и маленькие, с неровными краями и едва видными сквозь слой зелёного налёта-патины изображениями.

– Монеты, – ещё раз сказал мальчик, – но не такие, как у нас. Похоже, мы нашли древний клад.

– Интересно, сколько им лет.

– Ну это мы скоро узнаем. Надо показать монеты учителю нашего гимназия, уважаемому Афинодору. Он уж точно всё определит. Ведь он не только учитель, но и член городского совета. Он лучше всех знает историю Горгиипии. Пошли в город. Афинодор сегодня должен быть в мастерской резчика надписей.

Собрав монеты в тряпицу, дети и щенок отправились

в Горгиипию. Эта греческая колония со временем стала одним из крупнейших городов Боспорского царства. Его населяло более десяти тысяч человек, в городе развивались ремёсла, стояли величественные храмы, посвящённые греческим богам, – Посейдону, Деметре, Афродите, Дионису.

Войдя в город, Фарнакион и Гликாரия повернули к морю, где находилась мастерская резчика надписей на камне. Здесь они нашли уважаемого Афинодора, который держал в руках свиток пергамента и медленно читал написанный на нём текст. Рядом с ним мастер в усыпанном каменной крошкой фартуке выбивал стальным зубилом на мраморной плите надпись.

«Великий царь Аспург, друг императора и друг римлян, повелел...» – прочитал Фарнакион уже готовую часть текста, а затем обратился к учителю:

– Уважаемый Афинодор, сын Неокла, у нас к тебе важное дело.

– Подождите дети, – ответил учитель, – чаша клепсидры почти полна. Ещё немного, и у мастера наступит время отдыха. Тогда и поговорим о вашем деле.

Фарнакион и Гликария посмотрели в угол мастерской, где стояли водяные часы – клепсидра. Из отверстия в боку большого глиняного горшка в приземистую чашу по капле вытекала вода, и чаша действительно скоро должна была наполниться до краёв.

Когда наступило время перерыва, дети развернули тряпицу и показали Афинодору найденное ими сокровище. Учитель внимательно рассматривал монеты, поворачивая их то одной, то другой стороной, а потом сказал:

– Это в самом деле клад. И монетам этим много лет. Как вы знаете, больше ста лет назад царь Митридат Евпатор подчинил себе Боспор. Владения Митридата распространялись на все берега Понта Эвксинского, и поэтому созданное им государство называлось Понтийским царством. Почти полвека он владел Боспором.

Митридат затеял войну с могущественным государством – Римом. Он обязал жителей Боспора платить ему огромную дань и отправлять молодых мужчин на войну. И боспорские города взбунтовались. Мятеж был подавлен Митридатом, многие участники восстания погибли или были казнены, некоторые бежали из страны. Опасаясь за своё имущество, жители боспорских городов и селений прятали свои сбережения, и не всем посчастливилось потом за ними вернуться.

Поэтому время от времени в боспорских землях находят клады, и, полагаю, находить их будет очень и очень долго. Нашли такой клад и вы.

Вот эти монеты, – Афинодор показал на несколько самых крупных монет, более светлых, чем остальные, – двойные драхмы. Их чеканили из серебра. На монетах вы видите названия городов, где они выпускались. Посмотрите, тут написано, что это монеты Пантикапея, Фанагории и Горгиппии. Пантикапей и Фанагория считались столичными городами и издавна чеканили монеты. А вот Горгиппия при Митридате впервые получила право выпускать свои деньги – к нашему городу понтийский царь особенно был благорасположен. Двойными драхмами Митридат платил жалование наёмникам, сражавшимся в его армии. В денежный оборот такие монеты почти не попадали. Видите, изображения на них совсем не потёрты.

Большинство остальных монет – это обычные мелкие медные деньги, обращавшиеся в Боспорском царстве и до Митридата, и во время его правления. Надписи «ПАН» и «ФА» на этих монетах обозначают, что их чеканили в Пантикапее и Фанагории. Самые поздние – вот эти, с треножником, звездой и названием «Пантикапея», расположенным по кругу: их начали выпускать всего за несколько лет до мятежа. А вот несколько монет Понтийского царства. На этой – голова Зевса и орёл на молнии – это монета понтийского города Синопа. А здесь – голова Ареса в шлеме и меч – это монета Амиса. Но все эти деньги давно вышли из обращения.

– А что было дальше с нашим Боспорским царством? – спросил Фарнакион. – Ведь Митридат уже давно им не правит.

– Война с Римом оказалась долгой, и в конце концов Митридат погиб, преданный своим сыном. Затем в нашей стране начались усобицы, многие хотели захватить царский престол. Некоторые претенденты находили поддержку Рима, другие привлекали на свою сторону варварские племена – меотов и сарматов. Но варвары – ненадёжные союзники. Они воевали только пока им платили. И только наш нынешний царь Аспург сумел прийти к власти и навести в стране порядок. Он рассудил, что меоты и сарматы

будут верно служить не за плату, а за возможность стать полноценными гражданами его государства, такими же, как проживающие в боспорских городах греки. Приглашённые им на службу варвары получили земельные наделы, гражданские права и образовали верную Аспургу царскую гвардию – аспургиан. Многие из аспургиан стали гражданами Горгиипии, породнились с греческими семьями. Ведь у каждого из вас в роду есть и греки и сарматы.

Дети закивали.

– У меня сарматское имя, – сказал Фарнакион, – хотя мой отец носит греческое имя Аполлоний.

– А у меня имя греческое, – сказала Гликерия, – а моего отца зовут Аспург, как и нашего царя, это имя сарматское.

– Аспургиане помогли Аспургу занять боспорский престол и укрепить свою власть в стране, – продолжил рассказ Афинодор. – Затем царь сумел установить мир с Римом и получил почётный титул «друг императора и друг римлян».

– Я знаю об этом, – сказал Фарнакион. – Мой отец участвовал в посольстве Аспурга к императору Октавиану, божественному Августу. И привёз мне из Рима вот это.

Мальчик достал из-под ворота одежды свой амулет – огромный медвежий клык в серебряной оправе, к которой был припаян золотой глазок с красным камнем.

– На этом сердолике, – продолжил мальчик, показывая камень, – вырезано изображение Козерога: знака зодиака, под которым родился император Октавиан. Отец говорил, что в Риме многие украшают перстни и амулеты резными камнями с Козерогами.

– Аспургине и сейчас защищают нашу страну от врагов, – вновь вернулся к теме рассказа учитель, – несут службу в сторожевых башнях, построенных по повелению царя вблизи границ и на важных торговых путях. Сарматы и меоты освоили греческий язык и эллинскую культуру, но принесли они и много нового. Вот ты, Фарнакион, одет в штаны и короткий кафтанчик, а на ногах у тебя сапожки. Эта одежда сарматская.

– Да, – сказал мальчик, – но для того чтобы нести военную службу, ездить верхом и сражаться с врагами, она намного удобнее, чем одежда эллинов. Хитон и гиматий я надеваю только тогда, когда иду в гимнасий.

– Вот вот и хорошо, – улыбнулся Афинодор. – Не забудь, что завтра у нас занятия. Ну а теперь нам с мастером пора приниматься за работу. Городской совет постановил, чтобы не позднее чем через три дня мраморная плита с новым указом Аспурга была установлена на центральной площади Горгииппии. Забирайте свой клад. Пусть найденные монеты напоминают вам об истории нашего города и нашей страны.

5 глава

У стен Никопсии (1500 лет назад)

– **М** всё же ты не прав, Орхам, что не снимаешь свой языческий амулет, – убеждённо говорила Агата. – Ведь ты христианин, носишь нательный крест, а рядом с ним этот клык древнего медведя.

– Да, я христианин, верую в единого Бога, хожу с отцом на службу в храм. Но христианский Бог спасает только здесь, в городе. За его стенами, в горах и лесах, полных диких животных и других опасностей, можно рассчитывать только на помощь старых богов, таких же древних, как и тот медведь, чей украшенный серебром и золотом клык издавна служит в нашей семье защитным оберегом. И в горах я могу надеяться только на мой амулет. И на моего верного Скилака, – мальчик любовно поглядел на щенка, бежавшего у его ног.

Дети, кутаясь в тёплую одежду, поднимались вверх по неровной улице Никопсии, небольшого городка в Зихии, на гористом побережье Чёрного моря.

– Но твой отец, уважаемый Баксан, когда делает мечи, выбивает на них изображение креста, – продолжала девочка.

– А когда он закаляет их клинки в пламени горна, то возносит молитву Тлепшу, богу кузнецов, – парировал Орхам.

– Ведь даже вожди гуннов, после того как приняли крещение в Константинополе, переплавили своих языческих идолов, а из полученного золота отчеканили монеты с изображением Христа и византийского императора, – не унималась Агата.

– А потом, как говорят, сделали из этих монет застёжки для цепочек, на которых носили нательные кресты, – ответил мальчик. – И их старые боги остались с ними.

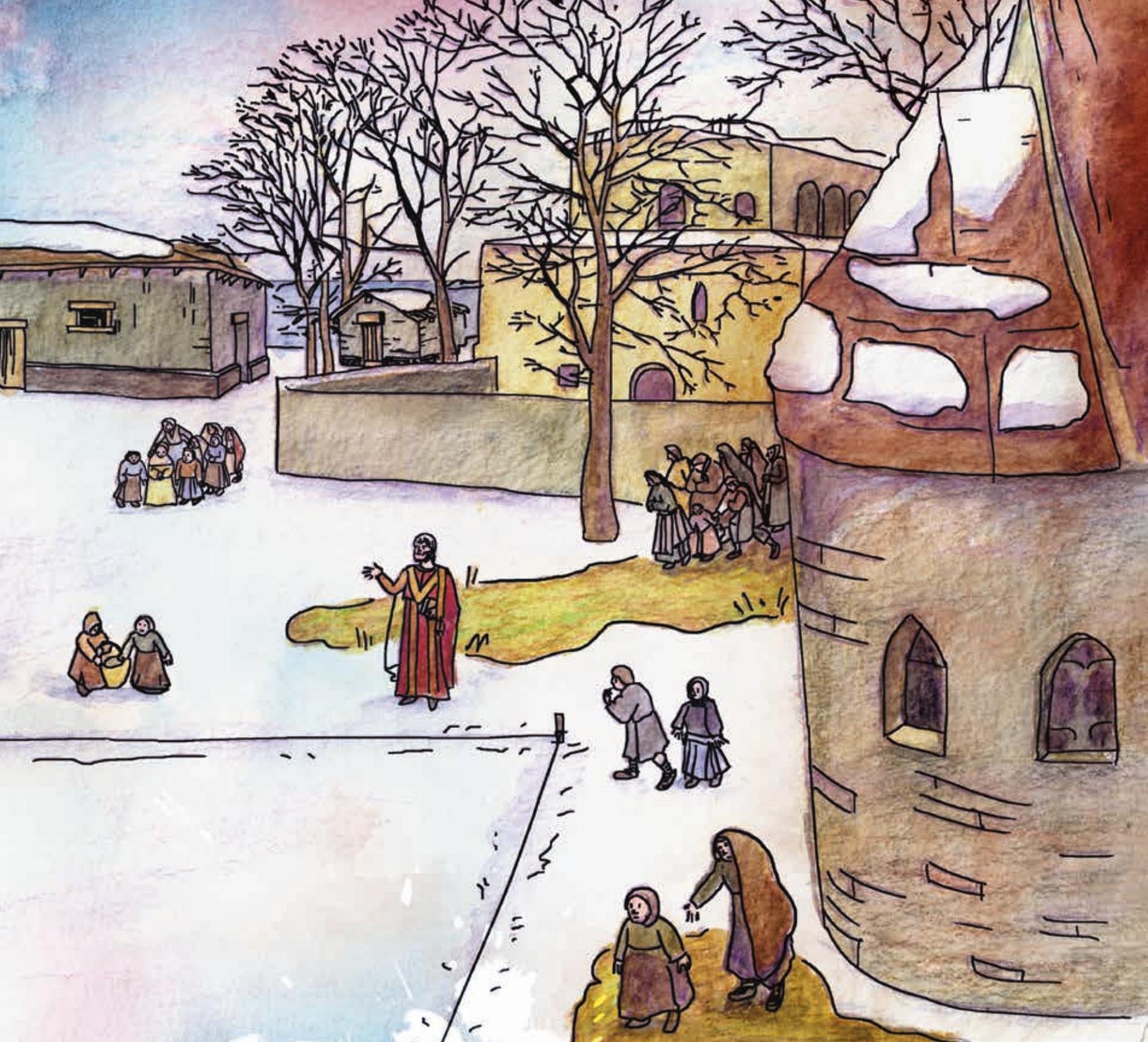
Спор мог продолжаться ещё долго, но дети достигли небольшой площади, на которой собралось несколько десятков жителей Никопсии, мужчин и женщин. День был солнечным, но ветреным. За вершины гор зацепились тёмные тучи, порывы ветра срывали с них одинокие снежинки и несли их через городские кварталы к морю. Но, несмотря на холодный ветер, горожане шли к площади, на которой в этот день должна была состояться закладка нового храма.

Священник Николай, а именно он был отцом Агаты, завершал чтение молитвы, обходя место строительства будущего храма. Его контур был обозначен колышками с натянутой между ними верёвкой. Завершив молитву, священник обратился к народу.

– Братья и сёстры, прихожане. Сегодня, в день Святого апостола Андрея Первозванного, в нашей богоспасаемой Никопсии закладывается основание нового, посвящённого ему храма. На рассвете почтенный архитектор Антоний, прибывший из Константинополя по повелению патриарха, ориентируясь точно на восход Солнца, наметил осевую линию нового храма, а затем при помощи большого деревянного циркуля и мерных верёвок очертил его абсиду и внешний

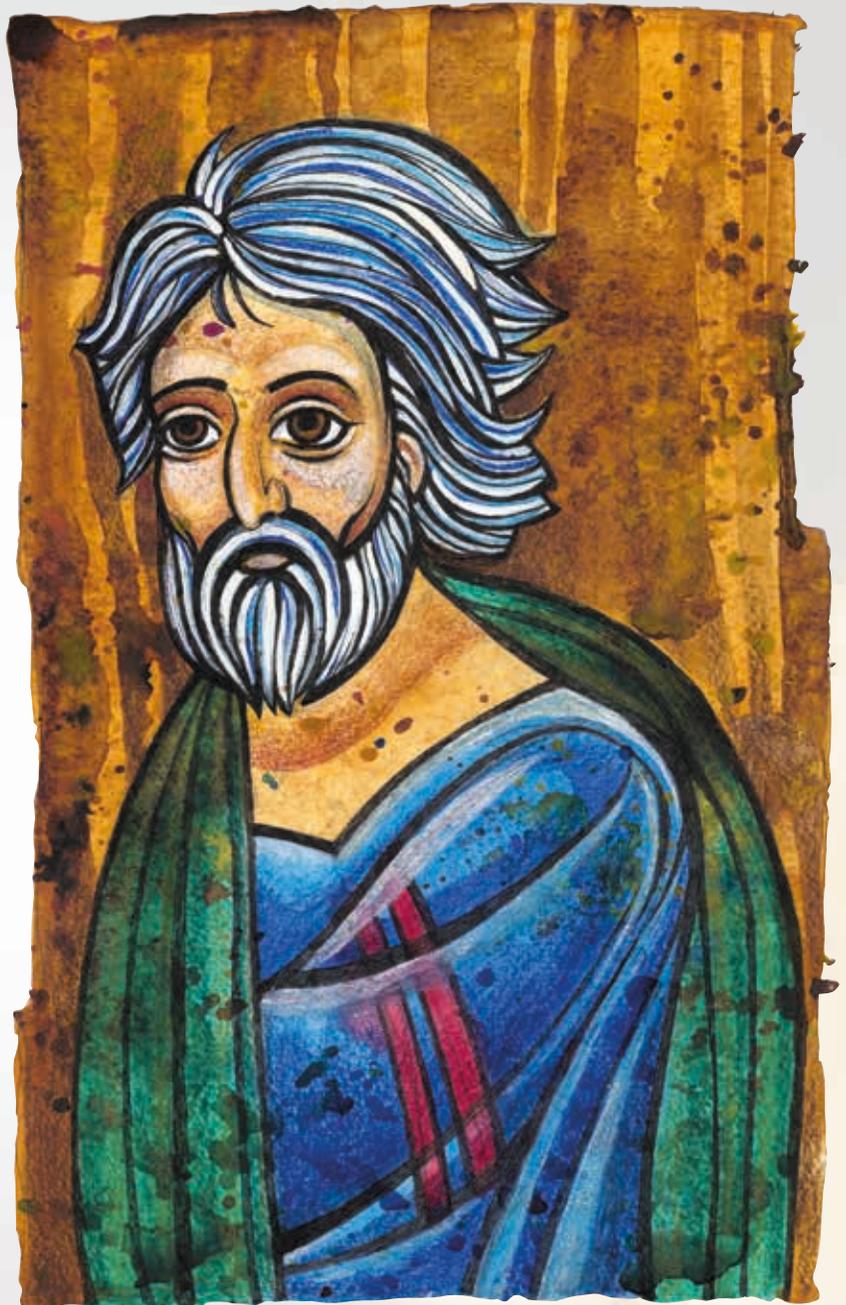

контур стен. Абсида – это полукруглый выступ в восточной стене храма, внутри неё находится алтарь – возвышение, на котором совершаются главные церковные таинства. Очень важно было определить ось храма именно сегодня: ведь в день памяти апостола первый луч восходящего Солнца через узкое окошко в центре абсиды будет проникать в храм. Сейчас Антоний и его помощники, определив место храмового алтаря, готовятся к установке его закладного камня.

Собравшиеся на площади посмотрели на группу строителей, которые под руководством высокого худого архитектора, кутавшегося от порывов холодного ветра в шерстяной плащ, готовили для укладки в центральной части абсиды плоский прямоугольный камень.

– Святой апостол Андрей неслучайно выбран в качестве небесного покровителя нового храма в Никопсии. Шесть столетий назад апостол Андрей проходил через земли Зихии, и именно он зародил в сердцах язычников-зихов веру в Бога. После этого святой апостол отправился на Боспор и далее в Тавриду и в земли алан, неся населявшим их народам слово Христа. Жители Боспорского царства вскоре уверовали в еди-

ного Бога, и в боспорских городах стали возводиться христианские храмы. Крестились даже вожди диких гуннов, пришедших из далёких степей к границам Боспорского государства.

Орхам с Агатой, как и другие собравшиеся на площади жители Никопсии, вслушивались в слова священника.

– Но часть язычников-гуннов взбунтовалась против своих христианских правителей, – продолжил Николай, – а затем стала разорять боспорские города и разрушать построенные в них храмы. Тогда благословенный император Юстиниан послал на Боспор войска. Они усмирили мятежников и вновь установили на Боспоре мир. Боспорские города признали власть императора и стали неотъемлемой частью Византии. А вскоре по повелению Юстиниана и по благословлению Константинопольского патриарха священники были посланы в Зихию. Зихийский народ принял крещение и вошёл под покров христианства. В селениях зихов стали возводиться христианские храмы, а затем здесь возник наш город – Никопсия, где мирно проживают и зихи и греки. Вскоре наш город станет христианским центром Зихии: архитектор Антоний сообщил мне, что патриарх намерен прислать сюда для служения епископа. И, может, наш новый храм станет его кафедральным собором.

– Строительство храма – дело нескорое, – продолжил священник. – Уже завтра начнётся сооружение печей для обжига необходимого для строительства кирпича. Их разместят к югу от стен Никопсии, там, где находится кузница Баксана, чтобы дым и искры, летящие из гончарных горнов, ветер уносил в противоположную от города сторону. В каменоломнях Боспора уже приступили к добыче камня-известняка и обжигу извести. А мастера на греческом острове Парос начали высекать из мрамора колонны с резными верхушками-капителями для поддержания сводов будущего храма. Весной их доставят в Никопсию, и можно будет приступать к строительству. А к этому времени местные мастера подготовят каменный фундамент.

Со стороны улицы, ведущей от северных ворот Никопсии, послышалась поступь лошадиных копыт, и все посмотрели туда. На площадь выехало несколько вооружённых всадников. Впереди на могучем коне возвышался немолодой седовласый воин в тяжёлой меховой накидке. Он спустился с коня и, сильно припадая на левую ногу, двинулся к стоящим на площади. Длинный меч и широкий кинжал мерно покачивались на украшенном серебром поясе.

– Это же Хромой вождь, – тихо сказал Орхам, – предводитель живущего близ Боспора племени готов.

– Хромой вождь, – пронеслось среди собравшихся.

– Да, это я, Хромой вождь, – хрипло сказал старый воин. – Так меня называют. Причём не только зихи и греки. Мои соплеменники, готы, давно забыли моё настоящее имя, заменив его этим прозвищем. Что ж, я не против – под именем Хромого вождя я совершил немало славных подвигов. Я приветствую народ Зихии и тебя, священник Николай. И, конечно же, тебя, уважаемый кузнец Баксан, – пришелец обратился к стоящему среди собравшихся отцу мальчика, – ведь ты выковал мой верный меч, незаменимый в сражениях.

– Народ Зихии также приветствует тебя, Хромой вождь! Что привело тебя в Никопсию? – спросил у седовласого воителя священник.

– Я узнал, что сегодня, в день памяти Святого апостола Андрея Первозванного, в вашем городе будут закладывать посвящённый ему храм, и решил сделать свой вклад в его строительство. Хотел прибыть в Никопсию заранее, но в горах уже выпал снег, и это задержало меня в пути. Но, как вижу, я не опоздал. Контур храма размечен, а строители ещё только устанавливают основание алтаря.

Старый воин приблизился к священнику и протянул ему кожаный мешочек.

– Здесь сто монет. И это не какие-то старые медные боспорские статеры, которыми до сих пор расплачиваются на рынках. А полновесные золотые византийские солиды. С изображением самого императора Юстиниана.

– О, это весомый вклад, – проговорил священник, принимая тяжёлый кошелек. – Этим денег хватит, чтобы пригласить для росписи храма лучших художников-иконописцев из самого Константинополя. И на стене у входа они напишут имя того, на чьи средства он был распisan. Но какое же имя им указать? Ведь имя должно быть христианским.

– Очень давно, когда я находился на службе у византийского императора, я был крещён, – усмехнулся Хромой вождь. – Но в боях и походах мое христианское имя забылось, как и имя готское. Хотя нет, я его помню. При крещении меня нарекли в честь Святого воина Дмитрия Солунского. Пусть на стене храма напишут: «За душевное спасение христианского воина Дмитрия».

– Да будет так по воле Божьей, – ответил священник Николай.

Ветер усилился, небо заволокли густые тучи, и на смену редким снежинкам пришли хлопья снега. Хромой вождь взобрался на коня и вместе со своими спутниками отправился в обратный путь. Жители Никопсии стали расходиться, священник переговорил о чём-то с архитектором и тоже покинул площадь. Орхам и Агата отправились вслед за ним.

– Хромой вождь очень отважный человек, – сказал мальчик. – Он не побоялся зимой, преодолев горы, приехать в Никопсию. Ведь племя готов живёт очень далеко, на берегах бухты, которую греки называют Священной, а зихи – Цемесской. И теперь ему предстоит обратный путь через заснеженные перевалы. Но старый воин не боится ни стужи, ни зноя. Рассказывают, что когда Хромой вождь служил византийскому императору, то ему пришлось воевать в жаркой Африке. Говорят даже, что рукоять его меча обтянута кожей крокодила – страшного хищника, живущего на берегах африканской реки Нил.

– И ещё он настоящий христианин, – подхватила девочка, – совершил такое трудное путешествие, чтобы пожертвовать деньги на убранство храма. А вот ты, несмотря на то что носишь крест, продолжаешь верить в сказки, что молитва Богородице помогает разыскивать мёд диких пчёл.

Дети, продолжая спорить, спускались вниз по мощённой камнем улочке. Рядом бежал щенок Скилак, пытаясь схватить зубами крупные снежные хлопья.

Только архитектор и его помощники остались на месте будущего храма, размечая на земле направление его стен.

6 глава

Тмутаракань

(1000 лет назад)

– Эй! Ты что-то ищешь? – девочка, стоящая на пороге дома, какое-то время рассматривала медленно идущего по улице и оглядывающего дома мальчика и наконец решилась его окликнуть. Она только что вернулась от городского колодца и придерживала рукой стоящий на плече узкогорлый кувшин с водой.

– Да, – ответил тот. – Мы с Полканом ищем дом мастера Людоты, – мальчик кивнул на идущую вслед за ним большую чёрную собаку.

– Ты его нашёл, – ответила девочка, опустив кувшин на землю. – Мастер Людота живёт в этом доме. – она показала на дверь рядом с собой. – Но его сейчас нет, он подойдёт попозже.

– Что же, придётся подождать, – вздохнул мальчик, – у меня к мастеру дело.

– Ты хорошо говоришь по-русски, а одет как касог, – заметила девочка.

– Да, я касог, и мой отец, и мой дед – касоги, – сказал мальчик. – А моя мама – русская. Вот почему я знаю язык, на котором говорят тут, в Тамтаракае. Меня зовут Инал, это имя я получил в честь древнего князя касогов. Мой отец – Батраз, правитель касогов, живущих по обеим берегам реки Бугур, их военачальник.

– А меня зовут Лада, – представилась девочка, – я дочь мастера Людоты. И скажу тебе, что в Тмутаракани, которую ты назвал Тамтаракаем, говорят на многих языках, не только на русском. Ведь здесь живут разные народы. Тмутараканью город называют русские, греки называют его Таматарха, а хазары – Тументархан.

– А касоги – Тамтакараем, – сказал мальчик. – Я слышал, это очень древний город.

– Да, когда-то очень давно здесь, на берегу морского залива, был греческий город, носивший название Гермонасса. Триста лет назад сюда из степей пришли хазары. Они никогда не видели такого многолюдного города, и поэтому оставленный хазарами правитель получил титул «тументархан» – владеющий десятью тысячами подданных. Это же название получил и сам город. Ведь тумен на языке кочевников означает десять тысяч. Живущие в городе греки переименовали это по-своему и стали называть город Таматарха. Хазары были кочевниками, но вскоре они научились обрабатывать землю, и окрестности города покрылись полями, садами и виноградниками.

– А как здесь появились русские? – спросил Инал.

– Таматарха всегда была богатым городом, – продолжила девочка. – Сюда приезжали купцы со всего света, в городе работали самые разные мастера – кузнецы, гончары, кожевенники, оружейники. Многие

правители хотели владеть Таматархой. И полвека назад это удалось русскому князю Владимиру. Управлять городом, который русские называли Тмутаракань, он поручил своему сыну Мстиславу. Так появилось наше Тмутараканское княжество. В городе поселились русские дружинники, вслед за ними сюда стали переезжать русские купцы и ремесленники. В их числе и мой отец – серебряных дел мастер. А что за дело у тебя к мастеру Людоте?

– Отец отправился в Тамтаракай по делам и взял меня с собой. А мама попросила отнести в починку свой серебряный браслет. Людота известен в касожских землях как серебряных дел мастер. Вот видишь, – мальчик достал из небольшой кожаной сумки, висевшей на его поясе, массивный витой браслет, – здесь отвалился глазок со вставкой из синего стекла и образующие браслет прутики разошлись.

– Мой отец быстро это починит, – заверила девочка. – А почему твоего пса зовут Полкан? Это ведь по-русски.

– Да, – согласился мальчик. – Полкан боевой товарищ моего отца. Ему уже много лет. Когда князь Редедя повёл касогов на войну против князя Мстислава Тмутараканского, мой отец, тогда ещё юноша, пошёл с ним на войну. Но, как всем известно, князья договорились не устраивать побоище, а решить исход войны поединком.

– «Если победишь ты, то возьмёшь и богатство моё, и детей моих, и людей моих, и землю мою», – вспомнила старое сказание девочка.

– Да, именно так. В единоборстве победил Мстислав, и согласно договорённости касожские земли вошли в его владения, а касоги перешли под власть тмутараканского князя. Мой отец вошёл в княжескую дружину. И участвовал в походах князя Мстислава

и на Чернигов, и на Киев. Ещё в Тмутаракани к нему прибился щенок, который вырос и стал сопровождать отца в походах и сражениях, став настоящим боевым псом. Однажды он даже спас отцу жизнь.

– Как интересно! – воскликнула Лада. – Расскажи!

– Дело было так, – продолжил Инала. – В одной из битв мой отец Батраз схватился с огромным печенегом, это племя кочевников-степняков тогда было враждебно Руси. Отец тоже обладал немалой силой и воинской сноровкой. Но вскоре копья были сломаны, мечи затупились, и противники вступили в единоборство,

как когда-то тмутараканский и касожский князя. Печенег стал одолевать, и тогда верный Полкан вцепился зубами в ногу степняку, как раз поверх края короткого сапога. – мальчик погладил по покрытой штрихами седины голове сидящего у его ног пса. – Печенег взвыл от боли и выпустил из хватки отца. Батраз пощадил противника из уважения к его отваге. Пленённый печенег вступил в дружину князя Мстислава и вскоре стал вторым побратимом моего отца. Кстати, он подарил отцу вот это.

Инал достал из-за ворота рубахи свой амулет и показал его девочке.

– Видишь, это клык древнего медведя, который жил в незапамятные времена. Это давний талисман нашей семьи. Когда-то давно его оправили в серебро, а тысячу лет назад, когда здесь правили греки, напаяли золотой глазок и вставили в него красный камень с изображением какого-то неизвестного животного.

– Это Козерог, – сказала девочка, взглядевшись в резьбу на сердоликовой вставке. – Греческие астрологи говорят, что это небесный знак, помогающий тем, кто родился в начале зимы.

– Тогда это точно мой знак, – продолжил мальчик. – А с этой стороны, видишь, напаян другой глазок, серебряный, и в нём вставка из ярко-синего камня. Он называется...

– Я знаю, лазурит, – продолжила Лада. – Его привозят очень издалека, из дальних районов Азии.

– Да. – подтвердил Инал. – И кочевники верят, что этот камень приносит удачу. Поэтому печенег подарил своему побратиму кусочек лазурита. Отец нашёл мастера, тот оправил камень в серебро и припаял к нашему семейному амулету, который стал моим.

– Ты сказал, что печенежский воин был вторым побратимом твоего отца Батраза. Значит, был и первый.

– Конечно, – подтвердил Инал. – Ещё в первом походе с князем Мстиславом отец познакомился с молодым русским воином Ратибором. Они стали друзьями, не раз выручали друг друга в сражениях, а затем выпили братскую чашу, обменялись оружием и стали побратимами.

– Ратибор! – воскликнула девочка. – Его хорошо знают в Тмутаракани, как отважного и честного воина. Поговаривают даже, что в будущем он станет прославленным воеводой и будет управлять нашим городом.

– Может, так оно и будет, – согласился мальчик. – Воин Ратибор не только побратим отца, но и мой дядя, старший брат моей мамы. Отец сейчас отправился к Ратибору, но вскоре они оба придут сюда, к мастеру. Отец лишь недавно стал управлять нашей областью. Его новая должность должна быть отмечена на его воинском поясе, и поэтому твоему отцу будет работа.

– Как это, отмечена на поясе? – удивилась Лада.

– Каждый мальчик в десять лет получает кожаный ремешок, на котором только два металлических украшения – пряжка и наконечник. Вот смотри, – Инал показал на свой пояс. – Когда он достигает возраста, позволяющего стать воином, на поясе юноши появляется первая

ЛЫСАЯ
ГОРА

НЕКРОПОЛЬ

СУХОЕ
ОЗЕРО

КОРЧЕВ

металлическая накладка. И затем всё, что происходит в его жизни (воинские подвиги, должности, которые он занимает в войске и у своего народа), отмечается появлением на ремне новых металлических накладок. Каждая из них имеет свою форму и место, где прикреплена к ремню. Знающие люди, взглянув на пояс мужчины, могут узнать о нём всё. Говорят,

среди знатных хазарских военачальников есть такие, которые носят не один, а целых два пояса, чтобы на них поместились все знаки, указывающие на их заслуги.

Издали послышались голоса, дети обернулись и увидели, что к ним приближаются двое мужчин. Оба рослые, широкоплечие, только один был темноволосым, смуглолицым, а второй – светловолосым и голубоглазым. Время было мирным, поэтому мужчины были безоружны, если не считать висящие на поясе у каждого длинные широкие ножи, однако в их движениях угадывалась воинская стать. Первый был Батразом, отцом Инала, второй – его дядей по матери, Ратибором. Мужчины вели беседу о государственных делах.

– Касоги присягнули князю Святославу, – говорил Батраз, – и поэтому будут надёжной опорой для любого из его сыновей – хоть для старшего, Глеба, хоть для младшего, Олега.

– Но владеть Тмутараканью хочет и переяславский князь Всеволод, – возражал ему Ратибор. – И ещё не известно, кто из русских князей возьмёт верх.

– Чувствую, что скоро здесь ожидаются большие усобицы, – ответил отец Инала. – Что ж, война дело привычное, и для нас, касогов, и для вас, русичей. Да мой сын уже здесь! – воскликнул Батраз. – Что, мастера Людоты нет? – обратился он к девочке.

– Отец вот-вот придёт, – сказала Лада. – Проходите в дом, я угощу вас холодной водой, только что из колодца, – девочка подняла с земли кувшин.

– По такой жаре самое время освежиться, любезная хозяйка, – улыбнулся Ратибор.

В это время к дому подошёл отец девочки, серебряных дел мастер Людота. Все прошли в дом, где Лада угостила каждого из пришедших чашей холодной воды, не забыв и пса, ко-

торый, попив, улёгся у порога. Затем гости прошли в мастерскую. Людота быстро починил браслет мамы Инала, а затем внимательно выслушал Батраза, набросав углём на выбеленной дощечке контур затейливого орнамента, который должен украшать новые серебряные накладки на поясе касога. Кроме того, Батраз попросил мастера изготовить для узды своего коня ажурные подвески с бубенчиками и золочёный налобник, на котором должен быть изображён воин, преклоняющийся перед богиней, дарующей ему удачу. Мастер и заказчик договорись о сроках и о цене работы. Батраз щедро отсыпал мастеру горсть серебряных византийских монет.

Гости покинули дом мастера Людоты. Батразу и Иналу предстоял путь в землю касогов, они пообещали приехать в город через месяц, когда заказ будет готов. Но перед дорогой отец с сыном хотели посетить церковь Пресвятой Богородицы, построенную князем Мстиславом в память о победе в поединке с касожским князем Редедей,

Ратибор же отправился по своим воинским делам, нужно было проверить, как идут работы по строительству крепостных стен: мир в те времена не мог продолжаться долго, скоро Тмутаракань действительно ожидали войны и мятежи.

Знаба

На перекрёстке торговых путей (600 лет назад)

Первые лучи Солнца осветили желтовато-серые стены древнего города Матреги. Вот уже более двух тысячелетий он стоял на берегу широкого морского залива. Когда-то давно греки основали здесь свою колонию и назвали её Гермонасса. Это название город носил почти десять столетий. После жившие здесь народы называли его на свой лад: хазары – Тументархан, византийские греки – Таматарха, русские – Тмутаракань.

После того как последний тмутараканский князь Олег Святославич отправился завоёвывать Чернигов, а причерноморские степи заселили воинственные половцы, связи города с Русью прекратились. Городом стали владеть византийцы, и ему вернулось прежнее имя Таматарха, которое вскоре сократилось до Матарха. Затем город подчинили себе черкесские князья, и его стали называть Матрика. Когда же в городе обосновались итальянские купцы из Генуи, название стало звучать как Матрега. Однако всё чаще и чаще город и подвластную ему область называли по-черкесски – Тамань, подчёркивая особенности этой местности: на языке черкесов это слово обозначало болото.

Город по меркам того времени был большим. Сюда из затерянной на Черноморском побережье Кавказа Никопсии перебрался православный епископ. Матрегу населяли купцы и ремесленники, представители разных народов: греки, черкесы, итальянцы, армяне, евреи, татары. Правили городом князья, происходившие из знатных черкесских родов. Предприимчивые итальянские купцы породнились с некоторыми из них и вскоре стали влиятельной

силой в городе, сосредоточив в своих руках торговлю с дальними странами.

С восходом Солнца город пробудился. Задымилась трубы хлебopекарных печей и кузнечных горнов, распахнулись двери купеческих лавок. Но сегодняшний день в Матреге был особенно оживлённым: накануне к городу подошёл большой караван из Китая и на пустыре за крепостными стенами развернулся огромный базар. Горожане стремились к восточным воротам города, чтобы приобрести себе обнову, узнать новости, да и просто поглазеть на привезённые из дальних стран диковины.

Китай находился очень далеко на востоке: караван оттуда шёл более двух лет, столько требовалось и на обратный путь. Поэтому лишь раз в пять лет китайские купцы прибывали в Матрегу со своими товарами, важнейшим из которых был

шёлк. Ткань из нитей, получаемых из кокона бабочки-шелкопряда, в Китае научились делать с незапамятных времён. Одежда из такого материала была красивой и прочной, зимой в ней тепло, а летом – прохладно. Уже в Античную эпоху китайские купцы доставляли шёлк в Европу, обеспечивая богатой одеждой знатных римских патрициев. Караванный маршрут, по которому его везли, получил название Великого шёлкового пути. Выгодная торговля шёлком не потеряла значения и в Средние века. К прибытию каравана из Китая в Матрегу съезжались итальянские купцы из Генуи, Венеции и Флоренции, которые покупали шёлк у китайских торговцев и втридорога перепродавали его на рынках европейских городов.

Петрук, сын начальника черкесской стражи восточных ворот, поднялся с рассветом и, наскоро перекусив, отправился в квартал, где располагались дома зажиточных итальянцев. Здесь его уже поджидала София, дочь купца-негоцианта Пьетро Марини, ведущего торговлю с Китаем и с другими странами Востока. Как и все жители Матреги, дети спешили на базар посмотреть на восточных торговцев и их необычные товары. А ещё им очень хотелось увидеть удивительных животных – верблюдов-бактрианов – мохнатых, с двумя большими горбами на спине: отец девочки рассказывал, что на этих выносливых, способных без труда преодолевать безводные пустыни животных китайские купцы везут тюки с шёлком.

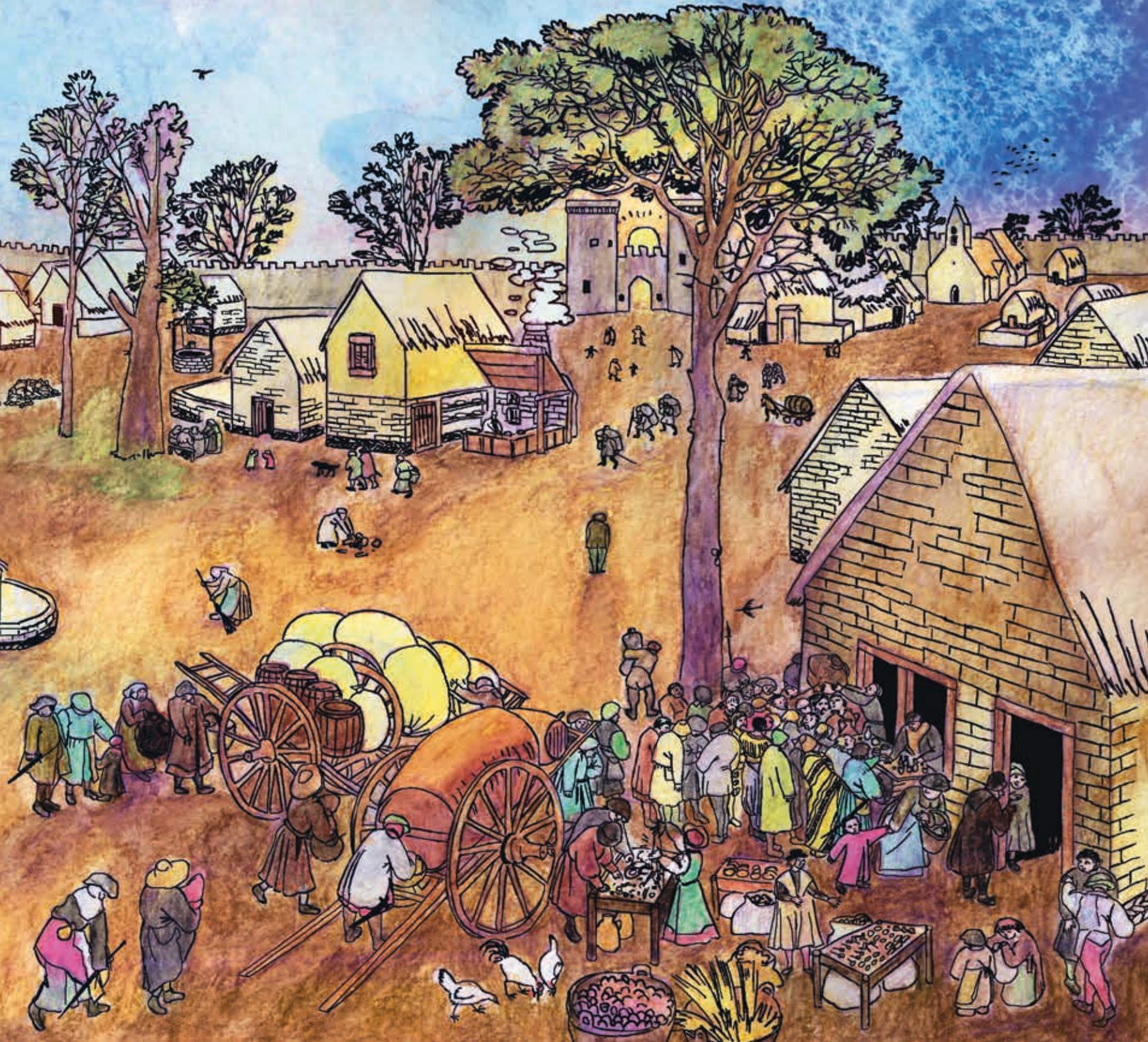
Дети поздоровались. У ног девочки вертелась небольшая пушистая собачонка.

– Это Мелита, – сказала девочка, – папа привез её недавно с Мальты. Она очень спокойная и не будет нам мешать. Я понесу её на руках, – София подняла собаку. – Ну что, пойдём?

– Да, – ответил Петрук. – Отец сказал мне, что купцы уже с вечера поставили прилавки и шатры, а верблюдов отогнали к озеру на юг от города.

Дети двинулись в путь и вскоре, миновав городские ворота, оказались на базаре. Здесь, на ещё недавно пыльном пустыре, шла оживлённая торговля. Над шатрами, привлекая покупателей, развивались знамёна и воздушные змеи, напоминавшие летающих драконов. Китайские купцы разложили на больших коврах свой товар – толстые тюки шёлка – и отчаянно торговались с местными и приезжими торговцами. Неподалёку шла торговля ароматными специями, чуть вдалеке заморские купцы продавали благовонные масла, расписанную цветными эмалями стеклянную посуду, разноцветные бусы. У каждого прилавка толпилась группа покупателей и зевак, громко обсуждавших и товары, и цены.

Под небольшим навесом расположился торговец книгами. У него почти не было покупателей, только один высокий худой мужчина в длинном чёрном плаще и малиновом венецианском берете, украшенном пером, рассматривал разложенные на прилавке книги и свитки. У его ног стоял обитый медью сундук, в котором лежало несколько уже купленных томов.

– Книги, – усмехнулся Петрук, проходя мимо, – да кому они нужны.

Покупатель резко обернулся и взглянул на мальчика. Это был довольно молодой мужчина в безупречном европейском костюме, на широком поясе висел длинный узкий кинжал.

– Вы заблуждаетесь, молодой человек, – сказал мужчина, улыбнувшись. – Книги – это величайшая ценность, превосходящая многое из того, что продают на этом базаре.

– Книги? – удивился Петрук. – Что же может быть в них ценного? У наших черкесских священников-шогенов тоже есть книги. Но они не умеют их читать и ведут службу в храмах, повторяя выученные наизусть греческие молитвы, иногда даже не понимая, о чём они. Мой отец показал несколько таких книг греческим священникам здесь, в Матреге. Они сказали, что в одной говорится о сотворении мира и о договоре, заключённом между Богом и людьми, а во второй – о земной жизни Иисуса Христа.

– Не все книги религиозные, мои юные друзья, сказал незнакомец. – Большинство из них содержат знания о мире, который нас окружает, о прошлом человечества. Вот, к примеру, – он взял в руки толстый том в переплёте из потемневшей кожи с позеленевшими медными застёжками. – Это «История» Геродота. Этому сочинению две тысячи лет. В ней рассказывается о великих подвигах, совершённых греками и персами много веков назад. И, кстати, в ней описаны быт и нравы древнего народа скифов, населявшего причерноморские степи задолго до половцев и татар. А это, – путешественник вынул из сундука книгу высотой в локоть в красном сафьяновом переплёте, – «География» Страбона. Она написана полтора тысячелетия

назад, и в ней, помимо других, описывается та местность, где мы с вами сейчас находимся – страна аспургиан. И это только две из множества книг, содержащих бесценные знания.

Петрук изумлённо переводил взгляд с незнакомца на сундук с книгами, стоящий у его ног.

– А ещё есть книга о несчастной любви Джулии и Ромео, – добавила, немного смутившись, София. – Папа её привёз мне из Вероны. Я вас знаю, – добавила она. – Вы – Иосафат Барбаро, купец из Венеции. Мой отец Пьетро Марини давно ведёт с вами торговые дела, и здесь, в Матреге, и в других городах.

– О да, Пьетро очень предприимчивый негодник! Полагаю, он уже где-то здесь, торгуется с китайскими купцами.

Венецианец ещё раз бросил взгляд на мальчика, и глаза его внезапно заблестели.

– Что это у вас на шее, мой молодой друг? – обратился он к Петруку. – Я изучаю древние реликвии, раскапываю курганы в их поисках и не могу ошибиться: это оправленный в серебро клык гигантского пещерного медведя, которые жили на земле сотни столетий назад.

– Да, это медвежий клык, – ответил мальчик. – Я не знаю, сколько сотен лет назад жил этот медведь, но в нашей семье этот амулет издавна передаётся из поколения в поколение.

– Завидую вам, – сказал Барбаро. – Несомненно, это ценный талисман, и, полагаю, он принесёт вам удачу. Но не забывайте и о важности книг. Они источник знаний, без которых удачу трудно удержать. Научитесь их читать, и весь мир откроется перед вами.

– Конечно! – воскликнул Петрук. – Я тоже хочу знать столько же много, как и вы, синьор. Попрошу отца, чтобы он отдал меня на обучение в школу, открытую в городе греческими священниками.

– Похвальное желание, – сказал Иосафат. И добавил мечтательно: – Когда я завершу все мои торговые дела, то тоже напишу книгу о своих путешествиях. И о уже состоявшихся, и о будущих. На севере набирает мощь Великое Московское княжество. Я очень надеюсь побывать там и посмотреть на страну Московию.

Но не смею вас задерживать, – обратился он к детям. – Не забудьте прийти сюда вечером, когда стемнеет. Вас ожидает незабываемое зрелище. Мне стало известно, что с караваном

прибыл китайский мастер, умеющий запускать в ночное небо светящиеся огни. Это настоящее чудо, как говорят те, кто его видел. Немцы бы назвали это фейерверк. И это зрелище состоится сегодня вечером в честь первого дня торговли.

Дети поблагодарили венецианца и отравились дальше вдоль торговых рядов, рассматривая разложенные на прилавках товары – а тут было чему подивиться. Отпущенная на землю собачонка Мелита вертела головой, вдыхая новые незнакомые запахи.

София купила красивое бронзовое зеркальце с затейливыми китайскими иероглифами: торговец объяснил, что на нём написано: «Пока мы видим солнечный свет, не забудем друг друга». Петрук за несколько серебряных монет приобрёл пряжку для пояса в виде свернувшегося в кольцо дракона, искусно вырезанную из зелёного нефрита.

Обойдя базар, София и Петрук дошли до озера, на берегу которого столпились двугорбые верблюды-бактрианы, лениво щипавшие жухлую траву и изредка пившие мутноватую воду. Это действительно были диковинные животные: мохнатые, длинношеие, с двумя обросшими шерстью холмиками на спине, с длинными ногами, завершающимися большими плоскими копытами. Своим видом они удивили не только детей, но и собаку, облаившую эти «корабли пустыни», как называли верблюдов отдыхающие поблизости погонщики.

А поздним вечером и жители Матреги, и приехавшие на базар купцы увидели грандиозное зрелище: ввысь с шипением взлетали светящиеся стрелы, с грохотом взрывавшиеся в ночном небе, образуя яркие огненные шары, разлетающиеся на тысячи искр, растворяющихся в темноте.

– Фейерверк, – вспомнил необычное слово Петрук.

8 глава

Турецкая крепость Анапа (250 лет назад)

Едва первые лучи восходящего Солнца рассеяли предрассветные сумерки и муэдзин с высокого минарета призвал правоверных мусульман к утренней молитве, ворота крепости отворились. Заскрипели цепи, и окованный железом край тяжёлого бревенчатого моста с грохотом опустился на каменный парапет, соединив две стороны заполненного водой рва. В крепости Анапа начался новый день.

Античный город Горгиппия, некогда стоявший на этом месте, был разрушен готами. Жители Горгиппии успели спастись бегством, а оставленный ими город был разорён и сожжён варварами. Целое тысячелетие это место считалось проклятым. Руины древнего города заносились песком, мощённые камнем улицы зарастали колючим кустарником, а в развалинах некогда величественных храмов рыли свои норы дикие животные. Затем итальянские купцы из Генуи, не верящие в древние предрассудки, основали здесь торговую факторию, которую назвали Мапа. Селение обнесли крепостными стенами, сложенными из камней древней Горгиппии.

Через двести лет Мапу захватили турки-османы, назвавшие эту небольшую крепость Анапа. Однако вскоре расположенный на окраинах обширных владений турецких султанов городок был заброшен. Десятки лет его разрушающиеся стены служили убежищем для местных пастухов, укрывавших тут в непогоду стада овец и коз. И лишь с началом русско-турецких войн, в конце XVIII века, Османская Турция оценила месторасположение Анапы, и здесь начали строить крепость.

Город окружили глубоким рвом и высоким валом, облицованным с внешней стороны камнем. Более десятка крепостных бастионов ошетинились жерлами пушек. В крепости было трое ворот. Северные ворота выходили к порту, через который осуществлялись морские контакты со столицей империи – Стамбулом и другими турецкими городами. Южные ворота выходили к дорогам в земли черкесских племён – натухаевцев и шапсугов. От восточных ворот начиналась дорога в Тамань.

С внешней стороны рва у восточных ворот города уже собралась небольшая толпа жителей ближних и дальних селений. Впереди возвышалось полтора десятка вооружённых всадников в запylённых серых черкесках – было видно, что они прибыли издалека. За ними находилось несколько запряжённых быками грузёных повозок, сопровождаемых крестьянами, привёзшими на рынок зерно, сыры, овощи, фрукты, зелень. Ещё дальше стояло несколько женщин, пришедших в город, чтобы купить необходимые для рукоделия товары, привозившиеся из Турции, – иглы, напёрстки, нитки, серебряные и медные застёжки и пуговицы.

Чуть в стороне от дороги, не смешиваясь с толпой, стоял седобородый всадник.

Его вороной конь отличался статью, а оружие: кинжал, шашка, два пистолета – были обильно украшены серебром. Его сопровождал мальчик, сидевший на спокойной белой лошади. Мальчик был одет в плотно облегающую новую черкеску, подпоясанную узким ремнём с прикрепленным к нему небольшим кинжалом. Рядом с ними стояла девочка в красном бархатном платье. Короткий кафтанчик и шапочка были расшиты серебряными нитями, а на украшенном серебром поясе висел короткий кинжальчик в красных сафьяновых ножнах. Невдалеке остановилась лёгкая двуконная повозка с возницей, на которой девочка приехала в город.

Едва открылись ворота, всадники потеснились, дав седобородому и его спутнику возможность первым подняться на мост и въехать в город. Вслед за ними быстрым шагом прошла девочка.

За воротами, чуть ближе к морю, располагалась рыночная площадь: крестьяне со своими повозками и женщины, войдя в город, направились туда. Седобородый

со своими спутниками и державшиеся на почтительном расстоянии от них конные воины двинулись по широкой улице к центру крепости. Навстречу им стремительно шёл высокий пожилой мужчина в просторной, не сковывавшей движения серой черкеске и каракулевой папахе. Его одеяние, сшитое из добротного сукна, было потерто и местами забрызгано известью. Это был комендант крепости Анапа, османский генерал Ферах Али-паша, руководивший её строительством. За ним торопливо следовал молодой мужчина, одетый по-турецки – в шаровары и короткую куртку,

голову покрывала красная феска. Несмотря на азиатский костюм, на носу юноши красовалось новейшее европейское изобретение – очки-пенсне. Мехмед Гашим, так звали молодого коменданта крепости. К его поясу была подвешена медная чернильница, готовый записать новое распоряжение своего начальника, держал свисток, держал несколько гусиных перьев.

а в руках Мехмед, всегда распоряжение своего начальника, держал свисток плотной бумаги и несколько гусиных перьев.

– Приветствую тебя, уважаемый Заурбек Занок, правитель народа шегачков, – приветливо произнёс комендант, останавливаясь.

– Не знал о твоём приезде в Анапу, иначе надел бы для встречи с дорогим гостем свой самый роскошный халат, подаренный мне самим султаном.

– Я тоже приветствую тебя, почтенный Али-паша, да продлит Всевышний твои дни! – ответил седобородый всадник. – Я не стал извещать о своём приезде, дабы не отвлекать тебя на ненужные церемонии от порученного благословенным султаном, властителем трёх морей, дела строительства крепости.

– Я смотрю, ты пожаловал в Анапу не один, – комендант крепости, прищурившись, посмотрел на сопровождавших Заурбека мальчика и девочку. – С твоей дочерью, прекрасной Чичак, я знаком, а кто этот юный джигит, так умело восседающий на белоснежной лошади?

Девочка слегка покраснела, а мальчик гордо поднял голову и упёрся правой рукой в пояс.

– Это Азамат, сын Калевата Супако. Мы давно договорились, что как только мальчику исполнится восемь лет, то, по давнему обычаю народов Кавказа, я возьму сына Калевата в свой дом, стану его воспитателем-аталыком. И вот Азамат теперь у меня. Искусство верховой езды, меткой стрельбы и владения кинжалом он быстро освоил. Пришла пора учить

мальчика премудростям политики. Поэтому я взял Азамата с собой в Анапу. А Чичак увязалась с нами посмотреть на большой город. Ты же знаешь её характер, если чего-то захотела, непременно добьётся.

На этот раз девочка высоко вздёрнула подбородок и подбоченилась.

– Тот самый Калечат, – Ферах Али-паша нахмурился, – который поклялся при каждом удобном случае мешать мне строить Анапу, за что и получил своё прозвище – Разрушитель крепостей.

– Да, но теперь он дал новую клятву. – спокойно ответил Заурбек. – На празднестве в честь передачи мне на воспитание Азамата я, как аталык его сына, попросил оказать мне уважение и дать обещание не мешать тебе, почтенный Ферах Али, строить крепость – ведь Анапа находится на земле шегачков, народа, которым я правлю. Калечат, конечно, заскрипел зубами, но такое обещание дал. И как истинный представитель древнего натухаевского рода Супако, он его не нарушит. Можешь спокойно завершать строительство крепости. Затем и я приехал в Анапу, чтобы сообщить тебе об этом.

– Ты привёз очень хорошие новости, – радостно сказал турецкий военачальник.

– Я непременно должен записать это в хронике Ваших деяний, почтенный паша Ферах Али, – Мехмед Гашим отвинтил крышку чернильницы и обмакнул в неё перо, одновременно разворачивая свиток.

– Да, непременно запиши, – улыбнулся комендант. – А потом переговоры с вот теми всадниками, что стоят в стороне. Судя по их виду, это шапсугские воины, желающие поступить на службу султану. Опроси каждого, и если они тебе покажутся надёжными, определи их для начала во вспомогательный отряд. А я пока покажу нашим гостям, как похорошела Анапа за то время, пока уважаемый Заурбек меня не навещал.

Аталык и его воспитанник спешили, передав лошадей подошедшему от крепостных ворот стражнику, а затем вслед за комендантом отправились осматривать город. Чичак не отставала от них.

– Вот уже построенная мечеть, – Ферах Али показал на здание с голубым куполом, расположенное через дорогу от рынка. – У неё два минарета, с которых муэдзины пять раз в день приглашают правоверных совершить молитву. Немного дальше видны стены второй, почти достроенной мечети, а через квартал возводится ещё одна. Возле каждой мечети я распорядился выстроить бани-хамамы. А вот моя гордость – библиотека, – комендант

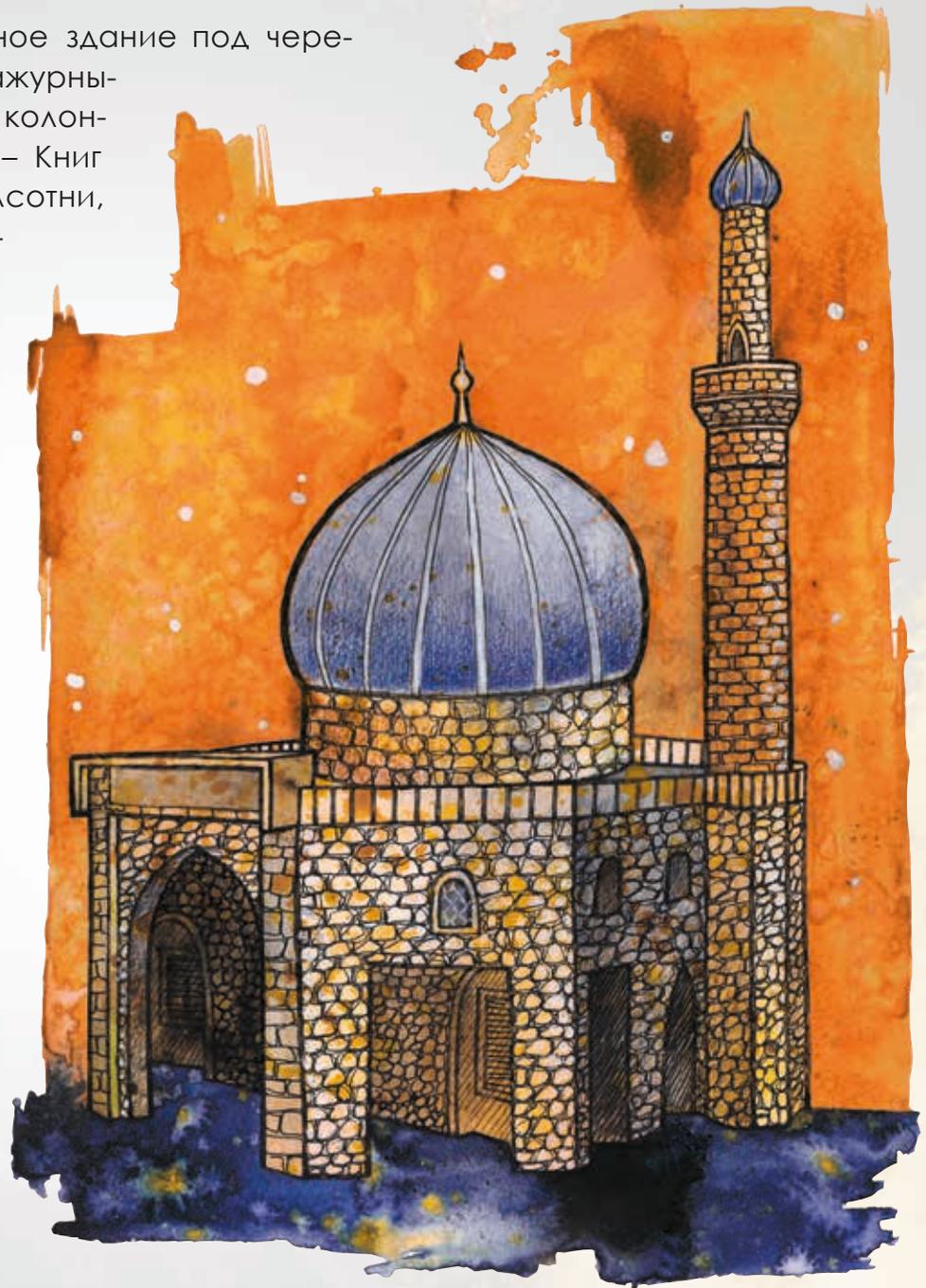
показал на небольшое изящное здание под черепичной крышей, окружённое ажурными деревянными верандами, колонны которых увивал виноград. – Книг там пока немного, всего полсотни, но я заказал для анапской библиотеки в Стамбуле множество книг и свитков.

К говорящим подбежал щенок-подросток, чёрный, с коричневыми пятнами над глазами.

– Ой, собака! – воскликнула девочка. – Давайте возьмём её с собой.

– Нет, Чичак, – сказал Заурбек. – Собака нечистое животное, и нам она не нужна.

– Уважаемый аталык, – сказал, нахмурившись, мальчик. – В натухаевском роду Супако всегда хорошо относились к собакам. В наших преданиях рассказывается, что многие мужчины нашего семейства в прошлом отправлялись на войну в сопровождении боевых псов. Прошу оказать уважение традициям моего рода и взять собаку. Я воспитаю

из этого щенка настоящего боевого пса, а для Чичак он будет добрым и ласковым питомцем.

– Хорошо, будь по-твоему, – ответил, улыбаясь в бороду, правитель шегаков. И добавил, обращаясь к паше: – У моего воспитанника очень твёрдый характер. Его упрямству можно только позавидовать. Представляешь, он носит на шее древний амулет своего рода – медвежий клык. Говорит, что этому талисману уже не одно столетие и он десятки раз переходил из поколения в поколение.

Али-паша и его гости двинулись дальше. Щенок, поняв, что обрёл себе хозяев, побежал вслед за ними.

– Полгода назад, – продолжил рассказ комендант, – я предложил переселиться в Анапу татарам и туркам, жившим в Тамани. И на мой призыв откликнулось пять сотен семейств. Теперь Анапа не просто крепость, а настоящий город, с тысячами жителей. Места всем хватает. Только вот с водой сложности – река протекает за крепостными стенами. Но я отдал распоряжение в каждом дворе выкопать по колодцу. И, представляете, каждый десятый колодец дал питьевую воду, – Ферах Али увлечённо рассказывал гостям о создаваемом им городе.

– Кроме турок, татар и черкесов, в Анапе живут греки и армяне: почти вся торговля у них в руках. А недавно здесь поселились цыгане. Вот думаю, как приспособить их к гарнизонной службе.

Дети немного приотстали от взрослых. Они попеременно гладили бежавшую рядом с ними собаку и негромко обсуждали, как её назовут.

– Поторопитесь, – комендант крепости обернулся к Азамату и Чичак. – Сейчас мы пойдём к морским воротам смотреть на приплывшие из Стамбула корабли. Вы ведь никогда не видели парусников?

– Нет, не видели, – в один голос воскликнули дети и поспешили за взрослыми, свернувшими к морю.

9 глава

Казачий край (150 лет назад)

Мальчик уже довольно долго ожидал возле раскидистого дуба, росшего на склоне горы близ станицы. Место это когда-то было обитаемо людьми, но впоследствии по какой-то причине оставлено: из земли кое-где торчали камни старых кладок, а в траве виднелись осколки черепков битой посуды. Осенний ветер набирал силу, перегоняя через склон оторванные от корней сухие кусты перекати-поля.

Ой, да на гори тай жнецы жнуть,

Ой, да на гори тай жнецы жнуть.

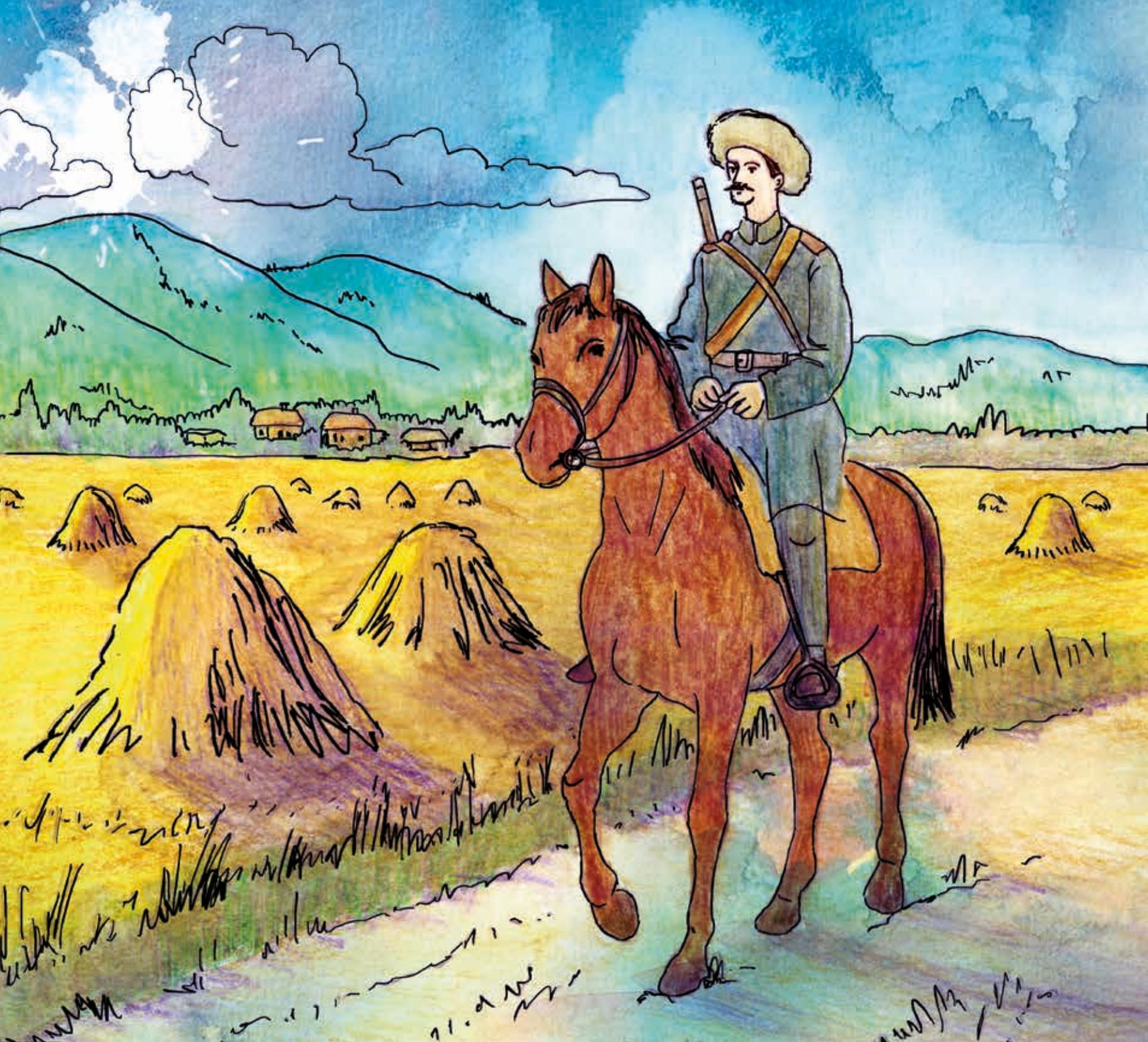
Ветер донёс со стороны станицы молодой задорный голос запевалы, вслед за которым грянул нестройный разноголосый хор, дружно подхвативший:

А по-пид горою, яром-долиной козаки йдуть.

Летняя страда закончилась, обильный урожай был собран, и молодые казаки выезжали из станицы, отправляясь на свою первую службу в приговорительном разряде. Над станицей и окрестными горами разносилась старинная казачья походная песня:

Гэй, долиной, гэй, широкою, козаки йдуть.

Станица, раскинувшаяся в пологой ложбине между двумя горами, была самой большой в Черноморском округе. После взятия русскими войсками Анапы и присоединения Черноморского побережья Кавказа к России здесь был выстроен военный форт – одно из многих русских укреплений, основанных в Закубанье и по берегу Чёрного моря. В годы Кавказской

войны этим укреплениям не раз приходилось противостоять нападениям ожесточившихся после ухода турок горцев. В годы Крымской войны укрепления были оставлены русскими гарнизонами, но после установления мира и возвращения России на побережье Западного Кавказа на месте некоторых из них возникли казачьи станицы.

Поначалу станицы обносились земляными валами и укреплялись бастионами с установленными на них пушками. Но со временем, когда стало понятно, что военная угроза миновала, укрепления срывались, уступая место казачьим подворьям, станицы разрастались, становясь мирными селениями.

Как и в других местах Черноморского округа, станица заселялась выходцами из трёх казачьих войск, объединённых по указу императора Александра II в единое Кубанское казачье войско. Центром Черноморского округа был город Новороссийск, выросший на месте Новороссийского укрепления, геройски отразившего нападение британского флота весной 1855 года.

Восточная часть станицы, самая большая, была населена черноморскими казаками, потомками бывших запорожцев, отличившихся в русско-турецких войнах, а затем присягнувших на верность императрице Екатерине II и заселивших правобережье Кубани в конце XVIII века. Западную часть станицы населяли выходцы из линейного казачества – потомки донских и хопёрских казаков, нёсших службу на Кавказской линии. В центральной части станицы жило несколько десятков семей азовских казаков – их предки когда-то служили турецкому султану, но потом перешли в русское подданство и участвовали в покорении Кавказа. Тем не менее азовские казаки ещё долго считались ненадёжными, и их поселили поближе к центру станицы, где располагались дома офицеров и заслуженных казаков, отмеченных наградами за Кавказскую войну. Поселилось в станице и несколько семейств «мирных черкесов», когда-то нёсших службу в гарнизоне российской крепости Анапа.

В последние годы на окраине станицы появился посёлок иногородних, так казаки называли русских крестьян, после отмены крепостного права получивших свободу и отправившихся в поисках лучшей жизни в земли Кубанского казачьего войска. Среди иногородних было немало мастеровых, так необходимых в казачьих селениях, мужское население которых значительную часть жизни было занято военной службой: плотникам, сапожникам, портным всегда находилась здесь работа. А поодаль от станицы возникли посёлки переселившихся из малоазийских провинций Турции греков и армян – умелые земледельцы, они принесли сюда традиции садоводства и огородничества.

Появились в Черномории и селения чехов, выходцев из Австро-Венгрии. Один из них, Фёдор Иванович Гейдук, назначенный главным агрономом округа, начал выращивать здесь виноград и, как говорили, уже получил первый урожай.

Наконец на тропинке, ведущей от станицы, показалась девочка.

– Ой, что-то я припозднилась. Смотри какой венчик собрала, – девочка показала сплетённый из полевых цветов венок. – Ну что, пошли по кизил.

Мальчик не взглянул на венок и даже не улыбнулся.

– А Сирко твой где? – продолжила девочка. – Вы ж с ним всегда вместе за станицу ходите.

– Мой пёс сегодня вообразил себя охотничьей собакой, – хмуро ответил мальчик. – Увидел какую-то живность, зайца, что ли. Тот дал стрекача, а Серко за ним. Наверное, уже до моря добежали. Ну ничего, не в первый раз. Набегается по горам и к вечеру прибежит домой.

– Гриц, ты чего такой смурной, чему зажурился? – нахмурилась девочка.

– Ты же знаешь, Ганка, что вчера мы с отцом ездили в Новороссийск, в канцелярию начальника Черноморского округа.

– Да, вся станица знает, что ты был у генерала, что он тебя побачил и хочет отправить учиться в Катеринодар. Мой батька всегда казал, что ты самый головастый хлопец в станице и что тебе надо учиться дальше, – Ганка происходила из семьи черноморских казаков и бойко говорила на балачке – малороссийском говоре, принесённом на Кубань потомками запорожцев.

– Так вот, – начал мальчик, – поехали мы вчера с отцом в Новороссийск. Прибыли в канцелярию.

Начальник Черноморского округа, генерал Дмитрий Васильевич Пиленко, пожелал побеседовать со мной лично. Вошёл я в его кабинет. Генерал стоит у окна, статный, пышноусый, в черкеске, с отделанным серебром кинжалом на поясе. Вид грозный, я сначала даже заробел. Но генерал улыбнулся в свои пышные усы и говорит:

– Ну здравствуй, казачий сын Григорий! Вот ты, значит, какой, полный отличник. Получил я из станичного правления твой аттестат: по всем предметам высокие оценки. Решил я тебя отправить на дальнейшее учение в Екатеринодар, в войсковую гимназию. Окончишь гимназию с отличием – войско пошлёт тебя учиться в университет в Петербург. Станешь учёным, как Евгений Дмитриевич Фелицын. Знаешь, кто это такой?

– Конечно знаю, – ответил я генералу. – Учёный казак, сотник Кубанского казачьего войска, который изучает наш кубанский край. Мой отец называет его «ходящей энциклопедией Кавказа». В прошлом году он приезжал в нашу станицу, расспрашивал местных черкесов о князе Сефербее. Был у нас в гостях. Я показывал ему свой амулет.

– Какой такой амулет? – заинтересовался генерал.

И я рассказал ему о своём амулете. Что у многих казаков-линейцев раньше были побратимы среди горцев – кунаки. Что был такой побратим у моего деда – натухаевский дворянин Таузбек: когда-то они, убедившись в крепости своей дружбы, выпили братскую чашу и стали кунаками. А потом, когда подросли их дети, решили укрепить союз, поженив их. У Таузбека не было сыновей, только единственная дочь, которую он выдал замуж за моего отца. На свадебном торжестве кунак деда вручил моей матери древний амулет своего рода – медвежий клык, оправленный в серебро и украшенный красным и синим камнями (на красном вырезано изображение какого-то чудного зверя), – с наказом передать его сыну, своему внуку. В итоге клык стал моим талисманом, который я, не снимая, ношу с самого детства. Мама, как и положено казачке, в замужестве крестилась в православие.

И ещё я сказал, что показывал амулет сотнику Фелицыну, когда он приходил в нашу хату. Евгений Дмитриевич сказал, что это клык какого-то древнего медведя, оправленный впоследствии в металл и украшенный камнями. Он зарисовал амулет и пообещал порасспросить о нём учёных из Императорского Эрмитажа.

Генерал попросил показать амулет ему. Я расстегнул ворот бешмета и показал ему клык, висящий на верёвочке. Дмитрий Васильевич долго рассматривал его, а потом нахмурился, вздохнул и начал говорить очень серьёзно:

– Понимаешь, Григорий, то, что ты чтешь традиции своих предков-черкесов, это хорошо. И талисман этот не одно столетие выручал твоих дедов и прадедов. Но ведь ты православный казак, вон и в аттестате написано, что отметка по Закону Божьему у тебя «выше всяких похвал». Негоже христианину рядом с нательным крестом носить языческий амулет. Твои будущие товарищи по войсковой гимназии, казачьи сыновья, этого не поймут. Мой тебе совет, Григорий: когда поедешь в Екатеринодар – не бери клык с собой, оставь его дома.

Дмитрий Васильевич ещё раз вздохнул и продолжил:

– А теперь ступай! С Богом! – генерал перекрестился на висящие на стене образа, а затем, обернувшись, перекрестил меня. – Пусть отец получит в канцелярии подписанную мной рекомендацию в войсковую гимназию. Два дня на сборы, и в путь.

Гриша немного помолчал и продолжил:

– Мне и так тяжело расставаться со станицей, с тобой, с другими моими друзьями. Да и Серка оставлять жалко – будет тосковать без меня. И вот теперь с медвежьим клыком непонятно, что делать. И с собой его не возьмёшь, и дома не оставишь – мама огорчится.

– А ты, Гриц, сховай его, – вдруг предложила Ганка. – Выучишься, вырастешь, приедешь в станицу и заберёшь.

– Спрятать? – Гриша посмотрел на девочку. – Да, наверное, это правильно. Но где?

– Да хоть тут, под дубом. Он ещё молодой, и сто, и двести лет простоит. Хоть даже старым дидом приедешь, он тут будет. Смотри, и камень есть, дюже приметный – чёрный, с белыми прожилками. Вот и поховай ведмежачий зуб под ним. Только в землю закопай поглубже.

Гриша достал нож, вырыл им у корней дуба яму в локоть глубиной. Затем снял с себя медвежий клык, повертел его в руках, задержал взгляд на солнечных бликах, игравших на украшавших древний амулет камнях, – красном и синем. Вздохнул, опустил свой талисман на дно ямы и стал загребать её землёй. Затем дети сдвинули тяжёлый чёрный камень, закрыв им место клада.

Собирать кизил дети так и не пошли. Внезапно ветер усилился, начал ожесточённо срывать с деревьев пожелтевшие листья, небо заволокло густыми чёрными тучами, на землю тяжело упали крупные капли начинающегося дождя. Взявшись за руки, Гриша и Ганка побежали вниз по склону к станице. Вдали послышался залиvistый лай. Набегавшийся вволю, Серко спешил к своему хозяину.

10 рана

Археологи открывают древние тайны (наши дни)

– Дэн! Юля! А вам сегодня будет особенное задание. Как самым опытным юным археологам, – сказал начальник экспедиции, щурясь от солнечных лучей. – Готовы?

– Всегда готовы, Александр Дмитриевич! – дружно ответили мальчик и девочка.

Денис с Юлей были членами кружка юных археологов, которых вместе с другими ребятами этим летом первый раз пригласили поработать в настоящей археологической экспедиции. Археологи вели раскопки древнего поселения в горах, недалеко от берега Чёрного моря, и ребята из кружка помогали им: копали и просматривали землю, мыли находки, писали на них полевые шифры. Некоторые, и в их числе Юля, учились рисовать черепки глиняной посуды и другие найденные в раскопках древние предметы.

Этот солнечный августовский день был последним днём раскопок. Нужно было зачистить дно раскопа, зачертить и сфотографировать все открытые при раскопках ямы и остатки каменных стен. Завтра раскоп будут засыпать землёй: ведь после окончания раскопок место, где их вели, должно выглядеть так же, как и прежде.

– Помните большой чёрный камень на верхнем квадрате, почти у самого дуба?

Дети закивали.

– Его ещё Шлиман облюбовал: всё ходил вокруг, принюхивался, пытался вырыть под него подкоп.

Лежавший у ног начальника экспедиционный пёс Шлиман, услышав своё имя, поднял голову.

– Ведь у нашего пса несомненное археологическое чутьё. Не зря же мы назвали его Шлиманом, в честь знаменитого археолога. Вы ведь помните, как в начале раскопок он нашёл клад?

Пёс довольно заурчал, а Денис воскликнул:

– Конечно! Это наша любимая история.

Когда археологи ещё только размечали место будущих раскопок, пёс Шлиман бегал вокруг них, затем остановился на одном месте, принялся к чему-то, склонив голову, залаял и начал рыть землю лапами. Археологи заложили на этом месте шурф и, о чудо, нашли горсть позеленевших от времени древних монет – семь медных обол. Антон, студент исторического факультета и руководитель кружка юных археологов, предположил, что это потерянный в древности кошелек, а монеты были дневным заработком древнегреческого моряка.

– Так вот, – продолжил Александр Дмитриевич, – Антон вчера под вечер убрал камень, и оказалось, что под ним есть яма. Небольшая и, видимо,

не очень глубокая. Вам поручается раскопать её, выяснить, что там на дне.

Вооружившись совками, ножами и кисточками, Денис с Юлей поднялись к подножию дуба, где на дне раскопа темнела яма, и принялись за её раскопки. Шлиман прилёг неподалёку в тени раскидистых ветвей и, казалось, наблюдал за работой детей, прислушиваясь к их разговору. А ребята обсуждали вчерашнюю поездку.

– Скажи, здорово, что Александр Дмитриевич организовал для нашего кружка экскурсию по побережью? – начала Юля, ловко выбирая из ямы землю совком.

– Да, это было классно! – ответил Денис. – За один день увидеть столько всего древнего. Настоящие дольмены в окрестностях Геленджика! Они поразили всех! Даже трудно представить, что им пять тысяч лет.

– Дэн, а тебе что больше всего понравилось? – спросила девочка.

– Конечно же погребение Хромого вождя в Новороссийском музее! – восторженно сказал мальчик. – Сразу понятно, что это был знаменитый воин, предводитель своего народа. С ним положили его меч, а одежду скрепляли золотые и серебряные фибулы. Жаль, что мы не знаем его имени. А тебе?

– Греческие надписи на каменных плитах в музее Анапы, – ответила Юля. – Ведь археология изучает древние предметы, а письменные свидетельства прошлого – это ведь очень

большая редкость. Надписи сообщают о событиях давно ушедших времён, о которых мы ничего не знаем. Помнишь, мы видели в Анапе надписи с указами царя Аспурга? Об этом царе не сообщает ни один древний автор, ни один, даже Страбон, его современник. А ведь это был великий правитель, установивший мир с Римом и укрепивший Боспорское царство. И о нём мы узнали только из надписей.

– Да, – вздохнул Денис. – Может быть, когда-нибудь отыщут и надпись с именем Хромого вождя.

Работа шла быстро, земля, заполнявшая яму, была мягкой, что указывало на то, что её засыпали не в столь давние времена: лет сто-двести назад. Встретившиеся в заполнении два осколка керамики, косточку и уголёк Юля аккуратно сложила в пакет. Яма сужалась, скоро

должно было показаться её дно. Вдруг под ножом, отковырнув комок земли, показалось что-то желтовато-белое.

– Ого! – одновременно воскликнули дети.

Юля взялась за кисточку. Несколько взмахов, и перед ребятами в земле появился большой белый клык с оплёткой из почерневшей от времени серебряной проволоки.

– Вот это находка! – восхищённо прошептал Денис. – Юля, надо расчисть её для фотографирования, убрать из ямы лишнюю землю.

Наблюдавший за ребятами пёс резво поднялся, подошёл, заглянул в яму, удовлетворённо заурчал и снова вернулся под тень дуба.

Денис и Юля вновь приступили к работе, и через четверть часа расчистка была закончена. Подошедший к ним начальник экспедиции, которому ребята сообщили о своём открытии, несказанно обрадовался и сказал, что сбылась примета, в которую верят многие археологи:

последний день раскопок приносит одну из самых интересных и необычных находок. И что археологическое чутьё Шлимана снова не подвело.

Псу, оказавшемуся у ног руководителя раскопок, была обещана премиальная банка тушёнки. Через несколько минут у ямы собрались все, кто был на раскопе. Клык, лежащий на дне ямы, сфотографировали с разных сторон, сама яма была

промерена и зачерчена. Затем находка была извлечена, осмотрена и под возбуждённые возгласы всех присутствующих помещена в специальный пакет. Оказалось, что по обеим сторонам металлической оплётки напаяны два глазка – золотой и серебряный. И в каждом глазке по цветному камню: в золотом – красный, в серебряном – синий.

Вечером, когда под навесом столовой собралась вся экспедиция, в том числе ребята из кружка юных археологов, её начальник подвёл итоги раскопок.

– Древнее поселение, которое мы раскапывали и изучали этим летом, оказалось чрезвычайно интересным археологическим памятником, – начал Александр Дмитриевич. – Внизу под горой протекает ручей с прекрасной водой, не пересыхающий даже в самое жаркое лето, и это всегда привлекало сюда людей. Они жили на этом месте на протяжении многих столетий. Самые древние находки, сделанные нами при раскопках, – обломки глиняной посуды и каменные орудия, относятся к эпохе строителей дольменов – III и II тысячелетиям до нашей эры.

С края, где сидели юные археологи, послышались восхищённые возгласы.

– После того как на Тамани и на Черноморском побережье появились древнегреческие колонии, объединившиеся в Боспорское царство, на этом месте возникла сельская усадьба, владелец которой выращивал зерно и, возможно, вёл морскую торговлю: в слое этого времени много осколков импортной посуды и даже есть иноземные монеты. В эпоху Аспурга здесь также существовало поселение. Неподалёку отсюда наши коллеги из другой экспедиции открыли остатки каменного основания сторожевой башни: такие укрепления защищали границы Боспорского царства от Горгииппии до Бат и далее. На месте же наших раскопок находился небольшой посёлок, обеспечивавший гарнизон укрепления всем необходимым. Есть находки, указывающие на проживание здесь средневековых касогов, черкесов и даже несколько глиняных черепков времени основания близлежащей станицы.

Начальник экспедиции на несколько мгновений замолчал, а затем продолжил:

– Можно сказать, мы открыли остатки всех периодов истории человечества, кроме каменного века. Так бы, наверное, и считалось. Но сегодняшнее открытие наших героев – Дениса и Юли – кое-что изменило.

Александр Дмитриевич вынул из пакета утреннюю находку и показал всем.

– Валерия Георгиевна, как археозоолог, будьте добры, прокомментируйте находку.

Сотрудница экспедиции, изучающая найденные археологами при раскопках кости животных, поднялась, поправила очки, взяла из рук начальника экспедиции медвежий клык и сказала:

– Даже предварительное изучение находки, сделанной Юлей и Денисом, не оставляет сомнений в том, что перед нами клык древнего, можно сказать, ископаемого пещерного медведя.

Услышав о медведе, лежавший у ног начальника экспедиции Шлиман поднял голову и что-то недовольно прорычал.

– Такие медведи жили на Черноморском побережье Кавказа десятки тысяч лет назад, – продолжила Валерия Георгиевна, – в эпоху, которую археологи называют палеолитом: древним каменным веком. Далёкие предки современных людей – учёные называют их кроманьонцами – охотились на пещерных медведей, и, как показывает сегодняшняя находка, – довольно успешно. Края отверстия этого древнего амулета, конечно, сильно потёрты от длительного ношения, но тем не менее видно, что оно было сделано ещё в каменном веке при помощи острого осколка кремня. Ну а о дальнейшей истории этого артефакта расскажет археолог.

Медвежий клык вновь оказался в руках руководителя раскопок.

– Созданный в каменном веке амулет на протяжении столетий передавался из поколения в поколение. В Античную эпоху – в V или в IV веках до нашей эры – его оправили в серебро: оплётка из витой проволоки, судя по её форме, была сделана боспорским мастером, скорее всего, в Горгиппии. А несколько столетий спустя, в I веке нашей эры, на амулете появилось новое украшение. Видите этот золотой глазок с красным камнем? – Александр Дмитриевич повернул амулет к зрителям нужной стороной. – Это сердолик – в древности его считали камнем счастья. Причём это не просто вставка из цветного камня, а гемма. На маленьком кусочке сердолика неизвестный мастер вырезал изображение Козерога – знака зодиака, под которым родился первый римский император Октавиан Август. Такие геммы делали в мастерских Рима и обычно вставляли в золотые и серебряные перстни. Находки украшений с такими резными камнями на территории Боспорского царства очень редки. Их появление здесь связывают с посольством в Рим царя Аспурга в 14 году нашей эры. Об этом посольстве стало известно из надписи на мраморной плите, найденной в Горгиппии.

Юля переглянулась с Денисом и улыбнулась.

– А следующее украшение появилось на амулете тысячелетие спустя – в XI веке. Вот этот серебряный глазок с синим камнем на противоположной стороне, – начальник экспедиции развернул находку. – Это лазурит. Его цвет олицетворял синеву неба и почитался средневековыми степными народами. Особенно популярными украшения с лазуритом были у печенегов.

Последующая судьба этого амулета нам пока не известна. Столетие или два назад его закопали у подножия большого дуба, где Денис с Юлей его и обнаружили.

– А что будет с ним дальше? – спросил Антон, руководитель кружка юных археологов.

– Наша Юля не только нашла клык пещерного медведя, но и нарисовала его. Этот рисунок вместе с фотографией находки мы включим в научный отчёт о раскопках. А потом вместе с остальными нашими находками древний амулет передадут в музей. И в будущем его можно будет увидеть в музейной экспозиции. Вот так! Время позднее, пора расходиться. Завтра у нас тяжёлый день – надо сворачивать лагерь и разъезжаться по домам. На следующий год мы продолжим раскопки на этом поселении. Приглашаю всех в будущую экспедицию. Приедете к нам ещё? – Александр Дмитриевич обратился к Антону и ребятам его кружка.

– Конечно! Обязательно приедем! – наперебой закричали они.

– И обязательно что-нибудь найдём, – серьёзно сказал Денис.

– Что-нибудь древнее и таинственное, – добавила Юля.

Пёс Шлиман поддержал ребят радостным лаем.

Содержание

Глава 1. Пещерные жители (50 000 лет назад)	7
Глава 2. Строители дольменов (5000 лет назад)	19
Глава 3. По волнам Понта Эвксинского (2400 лет назад)	31
Глава 4. Страна аспургиан (2000 лет назад)	43
Глава 5. У стен Никопсии (1500 лет назад)	55
Глава 6. Тмутаракань (1000 лет назад)	67
Глава 7. На перекрёстке торговых путей (600 лет назад)	77
Глава 8. Турецкая крепость Анапа (250 лет назад)	87
Глава 9. Казачий край (150 лет назад)	99
Глава 10. Археологи открывают древние тайны (наши дни)	109

